

ЧЕЛОВЕК НЕ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский

Человек не своего времени

«Автор»

2026

Северский А.

Человек не своего времени / А. Северский — «Автор», 2026

1993 год. Бывший настройщик заводской службы точного времени Михаил Арсеньев пытается спасти от торгов старый дом-мастерскую. Его дочь Вера, архивист городского музея, хочет сохранить вместе с домом семейные бумаги и напольные часы, которые много лет спешат на семнадцать минут. Но документы не складываются в удобную хронику. В 1937-м дед Михаила подписал опись имущества арестованного соседа и одновременно спас его дочь. В 1968-м сам Михаил задержал заводской сигнал, помог восемнадцати людям — и подверг опасности рабочего ночной смены. Каждое новое письмо меняет смысл прошлого, не отменяя его последствий. Чтобы не превратить память в оправдание, отцу и дочери придётся назвать цену собственных решений, отказаться от права на единственную версию и понять: восстановить ход ещё не значит вернуть утраченную подлинность.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Семнадцать минут вперёд	6
Глава 2. Опись имущества	12
Глава 3. Чужая пружина	18
Глава 4. Покупатель из области	29
Показание без подписи	37
Глава 6. Ночная поверка	46
Глава 7. Цена дома	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Андрей Северский

Человек не своего времени

От автора

Семейная память редко лжёт целиком. Чаще она бережно сохраняет поступок и незаметно меняет его причину — так, чтобы с прошлым можно было жить сегодня. Потом меняется сегодня, и прежнее спасение называют предательством, осторожность — трусостью, молчание — мудростью или соучастием. Человек остаётся тем же лишь на фотографии; смысл его выбора продолжает двигаться.

Этот роман — о людях, которым не досталось окончательного приговора собственной эпохи. Они чинят часы, составляют описи, хранят письма, задерживают сигналы и каждый раз уверены, что решают одну частную задачу. История позднее соединяет эти решения в линию, которой никто из них не видел. Но незнание будущего не освобождает от цены, заплаченной другими.

Ветлужск, завод, семья Арсеньевых и все действующие лица вымышлены. Узнаваемые черты десятилетий здесь нужны не для реконструкции биографий и не для вынесения общего приговора прошлому. Они создают давление, под которым человек выбирает: что сохранить, о чём промолчать и чьё время счесть менее важным.

Книгу можно читать как семейную историю, раскрывающуюся через документы и один старый механизм. Но документы в ней не обладают последним словом. У каждого свидетельства есть происхождение, у каждого пробела — несколько возможных причин, а у правды, сказанной слишком поздно, всё равно остаются последствия.

Глава 1. Семнадцать минут вперёд

Вера вошла в дом без звонка и сразу посмотрела на часы.

Они стояли в простенке между мастерской и кухней, выше любого человека в семье, тёмные, с мутным стеклом и медным маятником. Стрелки показывали без четверти одиннадцать. На её наручных было десять двадцать восемь.

— Опять спешат, — сказала она.

Михаил не поднял головы. Он сидел у верстака под зелёной лампой и держал пинцетом волосок пружины. На сукне перед ним лежал раскрытый женский будильник — дешёвый, круглый, с розами на циферблате. Такие теперь приносили не чинить, а прощаться: хозяйева спрашивали цену, вздыхали и покупали на рынке пластмассовые китайские часы.

— Они не спешат, — ответил он. — Они так идут.

— Это и называется «спешат».

— Для часов — да. Для дома — нет.

Он поставил пружину на место. Вера прикрыла дверь плечом, чтобы не впустить холод, и положила на табурет кожаную папку. Снег на её сапогах уже превращался в серые островки. Из кухни тянуло остывшим углём, машинным маслом и яблочной кожурой — запахом, который в детстве казался ей свойством всех домов, а потом обнаружился только здесь.

Михаил всё-таки взглянул на папку.

— Опять инвентаризация?

— Договор.

— Тогда тем более разувайся.

Вера сняла пальто, повесила его на крючок возле двери и осталась в тёмном музейном костюме, слишком тонком для мастерской. В последнее время она одевалась так, будто в любой момент должна была выйти к комиссии. Михаил замечал это и ничего не говорил. Комиссии в его представлении всегда приходили к тем, кто заранее застегнул верхнюю пуговицу.

Он завёл будильник, прислушался. Розы на циферблате дрогнули вместе с первым тиканьем.

— Готово, — сказал он и отставил часы на полку. — Чей?

— Не знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Я не спрашивала.

Она села на табурет и раскрыла папку. Внутри лежали четыре листа, прошитые суровой белой ниткой, и ещё один — копия, сделанная на тонкой бумаге. Михаил увидел синюю круглую печать, но читать не стал. Он снял очки и протёр их краем рубашки.

— Совет музея согласился, — сказала Вера. — Не на временное хранение. На приобретение всего комплекса.

— Какого комплекса?

— Семейного архива Арсеньевых. Бумаги, инструменты, часы, мебель мастерской. Всё, что включено в опись.

Михаил снова надел очки.

— Моя кровать тоже мебель.

— Не начинай.

— Я уточняю границы научного интереса.

Она придвинула договор к нему, накрыв ладонью первую страницу, чтобы тот не мог отодвинуть бумагу обратно.

— Кровать не включена. Кухонный стол не включён. Личные вещи не включены. Мастерская сохраняется как единый мемориальный объект.

— Чей мемориальный?

— Деда. Твой. Завода. Города, если тебе так легче.

— Мне было бы легче, если бы город заплатил за ремонт крыши.

Вера сжала губы. Он знал эту паузу: дочь не подбирала слова, а убирала из них раздражение, как сор из крупы.

— Суммы хватит закрыть долг по дому и починить кровлю. Останется немного.

— Кому?

— Тебе.

— Очень щедро с их стороны.

Она развернула договор на сто восемьдесят градусов. Михаил увидел название музея, свою фамилию, длинное определение предмета приобретения. Буквы расплывались не от зренья — под лампой всё было видно слишком хорошо. Внизу первой страницы стояла фамилия директора, над ней оставалось место для подписи Михаила.

Во дворе кто-то ударил лопатой о камень. Потом снег заскребли к воротам. Дом отозвался в трубах коротким металлическим стоном.

— Сколько у нас времени? — спросил Михаил.

Вера посмотрела не на наручные часы, а на напольные.

— До пятницы.

— По этим или по нормальным?

— По календарю.

Он начал читать. Первый раздел был терпимым: фамилии, адрес, перечень документов с тысяча девятьсот тридцать седьмого по тысяча девятьсот девяносто первый год. Во втором музей обязывался принять, описать, обеспечить сохранность. В третьем покупатель получал право экспонирования и научного использования. Михаил задержался на слове «комплекс». Оно встречалось чаще, чем «дом», будто комнаты, лестница, промёрзший чулан и яблоня за окном уже перестали быть местом, где живут, и сделались способом хранения чужой биографии.

— Страница три, — сказала Вера.

— Я умею переворачивать.

— Там дополнение юриста. Его внесли вчера.

Он перевернул лист. Нитка натянулась и легла на бумагу белым рубцом.

Пункт был набран тем же шрифтом, что и остальные, но Михаил сразу увидел его — по пустоте вокруг. Для важных вещей всегда оставляли больше воздуха.

«В целях обеспечения сохранности приобретаемого комплекса и организации постоянной экспозиции...»

Он прочитал до конца один раз, потом второй. Положил указательный палец на строку и повёл слева направо, словно проверял чертёж.

— Что значит «изменение назначения»?

— То и значит. Дом переводят в нежилой фонд.

— После сделки?

— После оформления экспозиции.

— А я?

Вера вынула из папки тонкую копию.

— Тебе дают комнату в заводском общежитии. В бывшем инженерном корпусе. Отдельную.

— С удобствами в конце коридора.

— В комнате есть раковина.

— Значит, можно жить не выходя.

— Папа.

Он дочитал приложение. Дом назывался нежилой мастерской трижды. Один раз — объектом показа. Ни разу — домом. Михаил вспомнил, как Вера в шесть лет спала на раскладушке под этими часами, потому что боялась грозы, но ещё сильнее боялась признаться. Всякий раз, когда молния била за рекой, маятник вспыхивал, и девочка натягивала одеяло до глаз. Утром она уверяла, что просто хотела послушать механизм.

Теперь механизм включили в приложение под номером сорок семь.

— Ты знала, — сказал он.

— Я узнала про общежитие в понедельник.

— Сегодня четверг.

— Я добивалась другого варианта.

— Не получилось, и ты принесла подпись.

— Я принесла договор. Это разные вещи.

Михаил сложил страницы вместе, выровнял края о стол и вернул в папку.

— Нет.

— Ты даже сумму не посмотрел.

— Дом не становится нежилым оттого, что за это хорошо платят.

— Он станет аварийным, если мы ничего не сделаем. Тогда выбирать будет не из чего.

— «Мы» уже выбрали мне раковину.

Она встала. Табурет качнулся, одна короткая ножка стукнула о пол.

— У нас долг за уголь, за электричество, за материалы. Страховку с мастерской сняли. Заказов почти нет. Ты заложил дедов хронометр и соврал мне, что отдал его на чистку.

Михаил посмотрел на пустое место на полке. Пыль вокруг прежней подставки темнела ровным прямоугольником.

— Не заложил. Продал.

Вера замолчала. Это было хуже её крика: лицо у неё стало внимательным, музейным, будто только что обнаружился неизвестный документ.

— Когда?

— В ноябре.

— Кому?

— Человеку, которому нужны исправные часы.

— Мне нужны имя и расписка.

— Тебе нужен отец или единица хранения?

— Мне нужно, чтобы ты перестал разбирать семью по винтику, пока я пытаюсь сохранить хоть что-нибудь.

Голос её сорвался на последнем слове. Она отвернулась к окну. За стеклом висело бесцветное утро; на яблоне лежал снег, за забором медленно шла женщина с двумя пустыми бидонами. Михаил видел отражение дочери: прямую спину, прижатые к груди руки и часы позади неё. Минутная стрелка уже подползала к двенадцати.

— Эти не продам, — сказал он.

— Они записаны в договоре.

— Поэтому и не продам.

— Без них архив распадется на случайные бумажки. Ты сам рассказывал, что дед прятал документы в корпусе. Связь с предметом — единственное, что делает их историей мастерской, а не семейными сплетнями.

— Я рассказывал тебе сказку, когда ты была маленькой.

— Нет. Ты показывал тайник.

— Пустой.

— Тогда — пустой.

Михаил подошёл к часам. На корпусе, возле замочной скважины, белела царапина, оставленная Верой в одиннадцать лет: она пыталась открыть дверцу шпилькой и сломала её внутри. Михаил три часа вынимал обломок, а потом дал дочери ключ — не из доверия, а чтобы она больше не портила замок.

Ключ и теперь висел на гвозде сбоку. Он снял его.

— Что ты делаешь? — спросила Вера.

— Проверяю сказку.

За стеклянной дверцей маятник рассекал полумрак. Михаил остановил его ладонью. Дом сразу лишился одного из своих звуков. Остались шорох батареи, далёкая лопата во дворе и частое тиканье будильника с розами.

Он открыл нижнюю створку, опустился на колено и нащупал под деревянным дном два винта. Они не поддавались. Вера поставила папку на верстак и подошла ближе.

— Дай отвёртку.

— Я сам.

— Ты левый сорвёшь. Там шлиц сбит.

Она помнила. Михаил отодвинулся, пропуская её к ящику с инструментами. Вера выбрала короткую отвёртку с жёлтой ручкой, присела рядом, не заботясь о костюме, и прижала жало к винту. Металл скрипнул.

— Не сверху, — сказал Михаил. — Сначала на себя.

— Я помню.

— Если бы помнила, не говорила бы «дай».

— Если бы ты доверял, не стоял бы над рукой.

Левый винт вышел с рыжей древесной пылью. Правый оказался новым, посаженным Михаилом лет десять назад, и повернулся легко. Вера поддела дощечку ногтем. Под ней открылось узкое пространство, в котором лежали запасной гонг, моток промасленной ткани и плоская картонная папка, перевязанная выцветшей тесьмой.

Вера не коснулась находки.

— Ты знал?

Михаил смотрел на тесьму. Когда-то она была синей. Такая же стягивала свёрток отцовских инструментов после его смерти, но та папка хранилась в шкафу и была вдвое толще.

— Нет.

— Кто откручивал дно десять лет назад?

— Я. Менял крепление. Гонг вытаскивал, ткань видел. Этого не было.

— Значит, положили позже.

Он хотел сказать, что после смерти Арсения доступ к часам имели только они двое. Но в доме бывали клиенты, соседи, заводские товарищи; во время похорон дверь мастерской вообще не закрывалась. Сказать «только мы» значило бы сразу назначить подозреваемого.

Вера вынула папку обеими руками и положила на верстак поверх музейного договора. Картон оставил на белой бумаге полосу пыли. На обложке синим карандашом было написано: «А. И. Рожков. Опись. 1937». Ниже — чужим, более мелким почерком: «Не разъединять».

Михаил узнал вторую руку. Так отец подписывал коробки с пружинами: буква «д» стояла на ножках, а перекладина у «т» уходила далеко вправо.

— Дедова? — спросила Вера.

— Пометка — его.

— А Рожков?

— Часовщик с Нижней улицы. Его мастерская была там, где потом сделали молочную кухню.

— Что с ним случилось?

Михаил провёл пальцем над датой, не касаясь картона.

— Исчез.

— Так не бывает.

— В семьях — бывает. В бумагах это называлось иначе.

Вера развязала тесьму. Он остановил её руку.

— Не здесь.

— Почему?

— Потому что ты уже решила, куда это понесёшь.

— А ты уже решил, что спрячешь обратно.

Они держали тесьму вдвоём: она — за свободный конец, он — у узла. Между их пальцами лежали пятьдесят шесть лет, сложенные в плоский картон.

— Это может изменить договор, — сказала Вера тише. — Если комплект действительно тридцать седьмого года, совет даст больше времени. Может быть, получится оставить тебе жилую часть.

— А может, дом им понадобится ещё сильнее.

— Дом и так им понадобится. Только сейчас у нас есть право ставить условия.

— У кого — у нас?

Она отпустила тесьму.

— Хорошо. У меня. Я ставлю условия. Я работаю там и знаю, как провести фондовую закупку. Ты знаешь, как сделать так, чтобы от дома к весне остались одни инструменты.

Михаил поднял папку. Она оказалась тяжелее, чем выглядела. Внутри что-то сдвинулось — не рассыпью, а единым пакетом. Он поднёс её к лампе, прочёл фамилию ещё раз и вдруг вспомнил девочку на фотографии у отца: коротко стриженная, в мужском пиджаке, стоит возле этих самых часов, только корпус светлее и на стекле нет Вериной царапины. Имени Михаил не помнил. Или делал вид, что не помнил слишком долго.

Напольные часы молчали. Стрелки показывали без трёх минут одиннадцать, хотя в мастерской было десять сорок.

— Семнадцать, — сказала Вера.

— Что?

— Ровно семнадцать минут. Я думала, ты просто не отрегулировал.

Михаил открыл верхнюю дверцу, качнул маятник. Первый ход вышел неровным, второй увереннее. Механизм принял прежнюю ошибку и продолжил её без колебаний.

— Их несколько раз выставляли правильно, — сказал он. — Отец возвращал вперёд.

— Зачем?

— Говорил, дому полезно иметь запас.

— Семнадцать минут — не запас. Это метка.

— Ты теперь всё называешь меткой.

— Потому что люди редко хранят бессмыслицу пятьдесят лет.

— Люди только её и хранят. Смысл придумывают наследники.

Вера взяла музейный договор, вытянула его из-под старой папки и закрыла кожаную обложку.

— Я заберу опись на экспертизу.

— Нет.

— Тогда посмотрим вместе и составим акт.

— Тоже нет.

— Ты не имеешь права один решать.

— В моём нежилом доме?

Она побледнела, но не отвела глаз.

— Я не вписывала этот пункт.

— Ты его принесла.

— Потому что, если бы я не принесла, через месяц пришёл бы судебный исполнитель, а не музей. Я пытаюсь оставить выбор там, где его почти не осталось.

— Оставь мне хотя бы сегодняшний день.

Вера посмотрела на папку, на остановленный и снова запущенный маятник, на будильник с розами. Тот тикал громче больших часов, как всякая новая вещь, ещё не научившаяся жить среди старых.

Она надела пальто. Кожаную папку с договором взяла под мышку, но у двери задержалась.

— До пятницы я не подаю документы, — сказала она. — Но архив начинаю готовить сегодня.

— Без моей подписи ничего не вынесешь.

— Я ничего не вынесу. Сделаю рабочую опись здесь.

— Я не согласен.

— Я услышала.

— Это не то же самое, что согласие.

— Именно.

Она вышла, осторожно притворив дверь. Через стекло Михаил увидел, как дочь пересекает двор, придерживая папку обеими руками. У калитки она не повернула к музею. Сначала пошла к дому напротив, где у Клавдии Семёновны был телефон.

Михаил вернулся к верстаку. Папка 1937 года лежала под лампой. Он мог спрятать её в другое место, сжечь, отнести тому же человеку, которому продал хронометр. Все эти решения были простыми, потому что после них оставалось бы только объяснение.

Он потянул за тесьму. Узел распустился сразу, словно был завязан не для защиты, а для задержки на несколько секунд.

Сверху лежал лист с печатью мастерской Рожкова и перечнем инструментов. Под ним — фотография коротко остриженной девочки. На обороте рукой отца было написано одно имя: «Лида».

Большие часы пробили одиннадцать, когда на Вериной руке было без семнадцати.

Глава 2. Опись имущества

В дверь Рожкова никто не постучал.

Она стояла распахнутой с рассвета, и к девяти часам в мастерской успел осесть уличный холод. На стёклах изнутри выступил белый папоротник. Два стула были опрокинуты, ящики верстака выдвинуты до упора, а на полу среди латунных колёс валялась щётка для одежды. Арсений поднял её и положил на подоконник, хотя к описи щётка не относилась.

— Не прибирай, — сказал человек в сером пальто. — Считай.

Его звали Капитонов. Он представился уполномоченным горсовета, показал удостоверение быстро, не давая прочитать, и теперь сидел у окна в шапке. Рядом с ним участковый Глебов грел руки дыханием. Третьим был заведующий артелью точной механики Гуцин — непосредственный начальник Арсения, тот самый, который утром велел ему взять карандаш, линейку и явиться на Нижнюю улицу.

— Ты инструменты знаешь, — объяснил Гуцин по дороге. — Напишешь правильно, никто тебя не упрекнёт.

— А если не пойду?

— Тогда напишут неправильно. И про тебя тоже.

Теперь Гуцин стоял возле двери и смотрел не на разгромленную мастерскую, а на Арсения. В этом взгляде была почти отеческая просьба: не заставляй меня выбирать вслух.

Арсений сел за маленький конторский стол. На нём лежал бланк с двумя копиями, продолженными фиолетовой бумагой. Заголовок уже заполнили: «Опись имущества гражданина Рожкова Алексея Ивановича». В строке «основание» стоял номер постановления, которого Арсению не показывали.

— Пиши, — сказал Капитонов. — Настенные часы, семь штук.

Арсений осмотрел стены. Пустые гвозди окружали светлые прямоугольники на обоях.

— Здесь три.

— В задней комнате четыре.

— Там два корпуса и два механизма. Это не часы.

Капитонов поднял глаза.

— А что?

— Запасные части.

— Значит, пиши: четыре комплекта запасных частей.

— Комплект — когда из него можно собрать изделие. Из этих нельзя.

Участковый перестал дышать на пальцы. Гуцин кашлянул.

— Арсений Петрович, — сказал он, — ты для точности приглашён, вот и соблюдай точность без рассуждений.

Арсений написал: «Часы настенные — 3. Корпуса деревянные без механизмов — 2. Механизмы неполные — 2». Карандаш прорезал верхний лист и оставил на копиях бледные, но различимые слова.

Капитонов усмехнулся.

— Видишь, Гуцин, какой у тебя принципиальный работник.

— Хороший мастер.

— Хороший мастер теперь у нас Рожков.

Он сказал это без улыбки. Арсений понял, что должен спросить, где Рожков, и понял, что спрашивать нельзя. Ночью соседи слышали грузовик. Утром на воротах висела казённая печать, уже сорванная для описи. Этого было достаточно, чтобы вся улица знала больше, чем разрешалось произносить.

Они пошли вдоль полок. Арсений называл вещи, Капитонов повторял их медленнее, словно названия становились законными только после его голоса.

— Токарный станок часовой, ножной привод, один.

— Один.

— Тиски малые, двое.

— Пиши «две штуки».

— Напильники разные, двенадцать.

— Девять.

— Двенадцать.

Три лежали под газетой у печки. Капитонов откинул газету носком сапога.

— Эти ржавые.

— Но они есть.

— Записывай двенадцать. Нам же скрывать нечего.

Гущин снова кашлянул, на этот раз в кулак. Арсений не посмотрел на него. До этой минуты он надеялся, что точная опись защитит хотя бы вещи от превращения в добычу. Теперь понял: точность нужна не вещам. Она нужна бумаге, чтобы позднее никто не мог сказать, будто всё происходило приблизительно.

В шкафу нашлись коробки с заводными пружинами, штифты, стеклянные баночки с винтами, три лупы, мотки проволоки, латунные пластины. На каждой коробке Рожков крупно писал размер и происхождение детали. «С товарной станции». «От Крылова». «Швейцарские, старый запас». Арсений переписывал надписи, пропуская имена. Капитонов заметил на третьей коробке.

— Почему без Крылова?

— В опись входит вещь, не тот, кто её принёс.

— Нам решать, что входит.

Он забрал лист, провёл ногтем по строкам и вернул.

— Дописывай фамилии.

Арсений не двинул карандашом.

— Тогда это будет не опись имущества.

— А ты знаешь, что это будет?

В мастерской за стеной что-то тихо звякнуло.

Все четверо замерли.

Участковый первым подошёл к двери в жилую половину. Она была прикрыта, хотя при их приходе, как помнил Арсений, стояла открытой. Глебов вынул из кобуры пистолет, придержал дверь носком и толкнул.

В комнате никого не оказалось. Узкая кровать была разобрана, шкаф открыт, одеяло сброшено на пол. Звук повторился — теперь из кладовой. Капитонов кивнул участковому.

Арсений увидел под кроватью туфлю. Маленькую, стоптанную, с оторванной пряжкой. Вторая виднелась возле кладовой двери.

Он знал дочь Рожкова в лицо. Лида иногда приносила отцу обед и ждала на крыльце, пока тот закончит срочный заказ. Ей было лет шестнадцать или семнадцать. После смерти матери она вела дом, училась на счетовода и стригла волосы коротко, за что старухи на Нижней улице называли её артисткой. Вчера вечером Арсений видел, как она покупала керосин. Значит, ночью её не забрали вместе с отцом.

Глебов положил ладонь на ручку кладовой.

— Там задняя дверь, — сказал Арсений.

Участковый обернулся.

— Какая дверь?

— Во двор. Я летом через неё станок заносил. Если кто был, давно ушёл.

Это было неправдой. Станок вносили через окно, а кладовая упиралась в глухую кирпичную стену соседнего дома. Глебов этого не знал. Капитонов — тоже. Но Гушин однажды помогал ставить станок и теперь смотрел на Арсения так, будто перед ними открылась настоящая дверь, только пройти через неё можно было одному.

— Проверь с улицы, — велел Капитонов участковому. — И двор осмотри.

Глебов убрал пистолет и вышел. Капитонов вернулся к столу.

— Продолжай. Только быстро.

Арсений прошёл мимо кладовой. За тонкой дверью не было слышно дыхания. Он назвал кровать, шкаф, стол, четыре стула, зеркало с трещиной. Капитонов велел личные вещи отделить от мастерских. Арсений писал медленно, рассчитывая шаги участка: крыльцо, калитка, проход вдоль забора, сугроб у задней стены. Минуты две, если Глебов поверит сразу. Пять, если станет искать следы.

На кухне Капитонов открыл буфет и поморщился. Там стояли кружка, две тарелки, банка пшена и хлеб, завёрнутый в полотенце.

— Где семья?

— Жена умерла, — сказал Гушин. — Дочь одна.

— Возраст?

— Семнадцать, — ответил Арсений.

Он назвал возраст слишком быстро.

Капитонов повернулся к нему.

— Хорошо знакомы?

— Улица одна.

— Улица длинная.

— Часовщиков двое.

Капитонов взял со стола отдельный лист и написал фамилию Рожкова. Ниже поставил вопросительный знак.

— Если явится, сообщить участковому. Подпишешь, что предупреждён.

Арсений почувствовал, как за дверью кладовой изменилось молчание. Не звук — его ожидание.

— Сообщу, — сказал он.

— Подпишешь потом.

Глебов вернулся, стряхивая снег с сапог.

— Нет там двери. Стена.

Капитонов медленно снял перчатку.

— Вот как.

Гушин шагнул к кладовой раньше остальных.

— Наверное, Арсений с угольным лазом спутал. Тут дома одинаковые. У его отца мастерская через два двора, там задний выход есть.

— Не похож он на человека, который путает, — сказал Капитонов.

Он подошёл к Арсению вплотную. От пальто пахло морозом и махоркой.

— Открывай.

Ключ торчал в замке. Арсений мог ещё сказать, что не заметил его, но следующая ложь уже не создавала времени. Он повернул ключ.

В кладовой между мешком угля и разобранным шкафом сидела Лида. На ней было пальто поверх домашнего платья, одна нога в чулке, другая босая. Вторую туфлю она держала в руках. Лицо было серым от угольной пыли, на щеке отпечаталась деревянная рейка.

Глебов взял её за локоть.

— Вставай.

Лида поднялась сама. Она была выше, чем казалась на крыльце. Посмотрела сперва на Арсения, потом на листы описи.

— Уже делите?

— Не разговаривать, — сказал Глебов.

— Я у себя дома.

Капитонов спросил имя и год рождения. Она ответила. Семнадцать.

— Где была ночью?

— Здесь.

— Почему не открыла?

— Спала.

— В угле?

— После того как вы ушли.

Глебов сильнее сжал её локоть. Арсений увидел, что пальцы у Лиды почернели не от угля, а от типографской краски. На полу в кладовой из-под доски выступал угол газеты. Капитонов тоже мог заметить.

— Она работает у меня, — сказал Арсений.

Гущин резко повернул голову.

— С какого времени? — спросил Капитонов.

— С сегодняшнего.

— Ты частник теперь?

— Я мастер артели. Нам нужен ученик на мелкую разборку. Гущин знает.

Начальник артели побледнел. Одного его слова хватало, чтобы оставить Лиду без придуманной работы и Арсения — без настоящей.

— Просил ученика, — медленно сказал Гущин. — На прошлой неделе просил.

Это тоже было неправдой, но менее опасной: в артели действительно не хватало рук.

Капитонов посмотрел на Лиду.

— Документы где?

— В столе были.

Стол уже обыскали. Глебов раскрыл ящик ещё раз и нашёл под промасленной ветошью ученическое удостоверение и свидетельство о рождении. Капитонов прочитал, сложил бумаги пополам и сунул в карман.

— Пока пойдёт с нами.

— Куда? — спросил Арсений.

— Разберутся.

— Без документов артель её не оформит.

— Без проверки тем более.

Лида молчала. Только смотрела на карман, где исчезло её имя.

Арсений вспомнил утренний разговор с Гущиным и повторил его про себя: если не пойдёшь, напишут неправильно. Он мог отступить. Мог позволить бумаге назвать Лиду дочерью арестованного и больше ничем. Тогда его собственное имя осталось бы вне отдельного листа Капитонова. Он сохранил бы место, мастерскую отца, право приходить домой через свою дверь.

— В описи ошибка, — сказал Арсений.

Капитонов прищурился.

— Какая ещё?

— Половина инструмента не принадлежит Рожкову. Она артельная, выдана для надомной работы. Если вы заберёте всё, Гущин должен будет отчитаться за недостачу.

Гущин открыл рот, но Арсений продолжил:

— Нужна сверка с книгой выдачи. Лида знает клейма. Я один не отличу.

— Только что всё отличал.

— Вещи — да. Собственность — нет.

Он указал на токарный станок.

— На станине номер под приводом. Без неё не перевернуть. Девчонка знает, куда смотреть.

Теперь выбор оказался у Гущина. Признать выдумку значило задержать изъятие и взять Лиду под ответственность артели. Отказаться — получить на баланс всё, что Капитонов решит назвать артельным, а затем отвечать за каждую деталь.

— Книга в конторе, — сказал Гущин. — До обеда сверим.

Капитонов постучал перчаткой по столу.

— До обеда она будет у вас. Потом участковый приведёт в отделение. Лично. Если хоть одной позиции не сойдётся, оба объясните, зачем вводили представителей власти в заблуждение.

Он вернул Лиде свидетельство, но ученическое удостоверение оставил у себя. Глебов отпустил её руку.

— Обувайся, — сказал Арсений.

Она посмотрела на него с такой ненавистью, будто именно он разрешил ей остаться.

Опись закончили к одиннадцати. Капитонов настоял, чтобы фамилии с коробок внесли в примечания. Арсений вписал их все. Каждая ложилась на бумагу отдельным грузом: Крылов, Савельев, Шубин, Нечаев. Он не знал, кто из них жив, кто уже исчез и кому новая строка принесёт беду. Отказаться теперь значило не стереть написанное, а лишь оставить под ним чужую подпись.

В конце стояли три графы: составил, присутствовал, принял на ответственное хранение.

— Кто принимает? — спросил Арсений.

— Артель, — сказал Капитонов. — До решения горсовета. Мастерскую опечатаем, станки после сверки перевезёте к себе.

— К себе куда?

— В твою мастерскую. У тебя место есть.

Вот почему вызвали именно его. Не потому, что он знал названия резцов и калибров. Им требовался человек, которому можно передать вещи Рожкова, чтобы изъятие стало похоже на хозяйственный порядок. Соседний часовщик получал чужой станок; значит, всё остальное тоже можно было объяснить завистью, выгодой, давним спором мастеров.

— Я не приму.

Гущин закрыл глаза.

— Тогда артель назначит другого, — сказал Капитонов. — А твою мастерскую проверят на предмет незаконных заказов и хранения драгметаллов. Всё равно ведь проверяют когда-нибудь. Вопрос — сегодня или после праздника.

Арсений посмотрел на Лиду. Она уже обулась и стояла возле печи, прижимая к себе пустую хлебную сумку. Если он потеряет мастерскую, исчезнет и её единственное объяснение, почему она находится не в отделении.

Он подписал первый экземпляр.

Карандаш сломался на последней букве. Капитонов протянул свой — красно-синий, заточенный с обоих концов. Арсений дописал фамилию синим.

— Число, — напомнил участковый.

Арсений поставил дату.

Лида отвернулась.

Когда вышли на улицу, у ворот уже стояли сани артели. Извозчик прятал лицо в воротник. На противоположной стороне собрались женщины с ведрами, хотя колонка находилась

далее, за перекрёстком. Никто не подходил, никто не спрашивал. Зато все увидели, как Гушин передал Арсению ключ от опечатанной мастерской.

Увидели и Лиду рядом с ним.

— В контору, — сказал Гушин. — Быстро.

Капитонов с участковым пошли в другую сторону. Арсений подождал, пока они свернут за угол, и тихо сказал Лиде:

— Из артели уйдёшь через задний двор. На станции сядешь в товарный до Белозерья. Там моя тётка, Марфа Петровна. Назовёшь меня.

— А отец?

— Не знаю.

— Вы всё знаете. Вы уже подписали.

Она говорила негромко, но женщины через дорогу слышали. Одна перекрестила рот, другая наклонилась к соседке.

— Я подписал вещи, — сказал Арсений.

— И меня к ним приписали.

— Тебя как раз нет в описи.

— Пока нет.

Он хотел объяснить, что выиграл ей несколько часов; что Гушин солгал ради неё; что красно-синий карандаш мог сегодня поставить другую отметку напротив её фамилии. Но любое объяснение начиналось со слов «могло быть хуже», а хуже уже случилось с её отцом.

— Возьми, — сказал Арсений и протянул ей ключ от своей мастерской. — В нижнем ящике деньги. И пальто жены, тёплое.

Лида ключ не взяла.

— Станок тоже туда повезут?

— Да.

— Тогда деньги понадобятся вам. Место освобождать.

Она пошла к артели впереди них, в одной застёгнутой туфле и одной без пряжки. Арсений остался у ворот с ключом Рожкова в правой руке и своим — в левой.

Сани тронулись. На них пока ничего не было, но улица уже уступала дорогу чужому имуществу, которое должны были отвезти к Арсению.

К полудню здесь будут говорить, что он пришёл первым. К вечеру — что давно присматривался к станку. Через неделю никто не вспомнит человека в сером пальто, зато у каждого останется сосед, получивший ключ.

Арсений сжал оба ключа в одном кулаке и пошёл следом за Лидой.

Глава 3. Чужая пружина

В конторе артели часы показывали без четверти двенадцать. Напольные у Арсения дома в эту минуту уже пробили двенадцать — они всегда спешили на семнадцать минут, и отец запрещал их поправлять. «Пусть хоть в одном доме человек приходит раньше беды», — говорил он. Арсений считал это плохой шуткой часовщика. Теперь ему хотелось верить, что семнадцать минут действительно можно где-нибудь накопить, а потом отдать тому, кому не хватило.

Лида сидела у окна на табурете, поджав ногу в туфле без пряжки. Перед ней лежала книга выдачи инструмента. Гуцин перелистывал страницы так шумно, словно одним шелестом мог доказать, что всё происходящее предусмотрено заранее.

— Резцы три штуки, — сказал он. — Клеймо артели есть?

Арсений положил на стол резец Рожкова. Клеймо — маленький треугольник с буквой «В» — было выбито у основания.

— Есть.

— Значит, наш.

— Не значит, — сказала Лида. — Отец сам ставил такое клеймо на починку. Чтобы не перепутать с готовым заказом.

Гуцин посмотрел на дверь. За матовым стеклом ходили люди, останавливались, заглядывали внутрь. Весть о ключе успела прийти в артель раньше саней.

— Ты сейчас не про отца думай, — проговорил он. — Ты сейчас отвечай, что спрашивают.

— Вы спросили — я ответила.

Арсений взял резец, провёл большим пальцем по насечке. Рожков делал метки глубоко, с наклоном вправо. На артельных клеймо било ровно. Разница была видна тому, кто хотел её видеть.

— Этот рожковский, — сказал он.

Гуцин захлопнул книгу.

— Тогда зачем ты её сюда привёл?

— Не я привёл.

— А кто назвал ученицей?

Лида поднялась.

— Можно я пойду?

— Сядь, — сказал Гуцин.

— Вы обещали до обеда.

— Я им обещал. Тебе никто ничего не обещал.

Арсений вынул из кармана свой ключ и положил перед ней.

— Сходи в мою мастерскую. В нижнем ящике верстака лежит ремень для станка. Принеси.

Гуцин уставился на ключ.

— Какой ещё ремень?

— Без него станок не проверим.

— На санях проверишь.

— На санях вал погнут. Потом Капитонов скажет, что мы испортили принятое имущество.

Он говорил тем самым голосом, каким объяснял заказчику, почему нельзя ставить новую пружину в разбитый барабан. Уверенность мастера часто заменяла разрешение. Гуцин это знал.

— Через десять минут обратно, — сказал он Лиде. — И через переднюю дверь. Иванов увидит, когда выйдешь и когда вернешься.

У окна за перегородкой действительно сидел счетовод Иванов. Он поднял голову, услышав фамилию, и тут же спрятался за счётами.

Лида не брала ключ.

— Там деньги, — тихо сказал Арсений. — В жестяной коробке под ветошью.

Она поняла. Это было видно не по лицу, а по тому, как её пальцы перестали держать край стола.

— Ремень в нижнем ящике? — спросила она.

— Да. Из мастерской выйдешь во двор. Калитка за дровами. На станцию не иди по Большой.

Гущин стукнул ладонью по книге.

— Вы шептаться будете до вечера?

Лида взяла ключ.

— Я спросила, широкий ремень или узкий.

— Широкий, — ответил Арсений.

Она вышла. За стеклом мелькнуло тёмное пальто, затем повернулась голова Иванова. Через несколько секунд хлопнула наружная дверь.

Гущин подождал, прислушиваясь к шагам.

— Если уйдёт, — сказал он, — я тебя не знаю.

— Знаешь.

— Сегодня не знаю. Сегодня ты пришёл ко мне с дочерью арестованного, придумал ей работу, наврал уполномоченному про книгу и теперь дал ключ от собственной мастерской. Мне сколько раз за тебя соврать надо, чтобы ты понял, что это уже не помощь?

— Один.

— Что один?

— Один раз. Дальше всё правда. Артели нужен ученик. Клейма надо сверять. Ремень нужен.

— А станок тебе нужен?

За дверью кто-то кашлянул и не вошёл. Гущин понизил голос.

— Я не осуждаю. Хороший станок. Рожков на нём такие оси точил, какие у нас из области выписывают. Только не делай вид, будто ключ тебе руку обжёт.

Арсений посмотрел на свои ладони. На правой осталась синяя черта от карандаша Капитонова.

— Я станок не просил.

— Просить теперь необязательно. Время такое: кому оставили, тот и просил.

Арсений хотел ответить, но во дворе закричали полозья. Гущин открыл дверь. Сани остановились у сарая, на них под брезентом лежала часть имущества Рожкова. Возница и двое артельщиков ждали указания. За воротами собрались люди с Нижней улицы.

— В склад, — сказал Арсений.

— В твою мастерскую, — возразил Гущин. — Так в описи.

— Там места нет.

— Освободишь.

— Тогда хотя бы ящики в склад.

— И потом доказывай, кто из склада винт вынес? Нет. Всё вместе, под твою подпись.

Первым с саней сняли маленький токарный станок. Его несли на доске четверо, хотя Арсений знал: троих достаточно. Люди брались осторожно, как за гроб. Из-под брезента показался край рабочего стола, и кто-то за воротами сказал:

— Уже повезли.

Не «забрали», не «перевезли», а именно «повезли» — без названного хозяина, потому что прежнего на улице уже не было, а нового все видели.

Арсений вышел во двор.

— Стойте. Станок нельзя за привод.

— А ты откуда знаешь? — спросил один из носильщиков.

Это был Савельев, чья фамилия утром попала в примечания к коробке пружин.

— Я его чинил.

— Часто, видать, заходил.

Савельев переставил руку, но теперь держал нарочно неудобно, вынуждая Арсения принять вес на себя. Они понесли станок через двор. У ворот женщины расступились. Старая Евдокия Громова, жившая напротив Рожковых, не отвела глаз.

— Алексей-то всё берег, — сказала она соседке. — Думал, дочери останется.

Соседка ответила достаточно громко:

— Осталось. Только дочь не та.

Арсений не остановился. Остановишься — покажешь, что услышал; промолчишь — будто согласился. Для таких разговоров любое движение годилось в подтверждение.

В мастерской пришлось снять дверь с петель. Савельев увидел на верстаке расчищенное место.

— Подготовился.

Арсений расчистил его вчера для корпуса напольных часов, принесённого из дома на переборку. Корпус стоял у стены, тёмный, высокий, с открытой дверцей. Маятник он снял и обернул мешковиной. На полке лежали гири, цепи и механизм боя.

— Часы свои чинил.

— Свои можно потом. Чужое нынче срочнее.

Станок поставили на верстак. Ножки не совпали со старыми отверстиями. Арсений велел подложить дубовые планки. Савельев бросил доску на пол.

— Сам устроишься.

Он ушёл, задев плечом корпус часов. Внутри что-то коротко звякнуло.

Арсений придержал корпус. Звук был не от цепи: цепи лежали на полке. Он посветил внутрь лампой, но увидел только деревянную заднюю стенку и пустой паз механизма.

Во двор внесли ящики. Теперь каждому находилось дело рядом с ним: один считал, другой проверял пломбу, третий вспоминал, что когда-то оставлял Рожкову отвёртку. Люди приходили не за вещами — за возможностью заранее от них отказаться.

— Вот этот футляр мой, — сказал Шубин, сапожник с угла.

— Какой?

— Зелёный. Я Алексею принёс часы жены. Футляр от них.

— В описи он как имущество мастерской.

— А кто писал опись?

Шубин не спросил. Он уже знал.

— Принеси квитанцию.

— Он без квитанции брал. Мы по-соседски.

— Тогда после решения горсовета.

Шубин подался вперёд.

— Значит, отдавать тоже ты будешь?

— Я храню.

— Хорошо устроено. Один забрал, другой хранит, третий решит. А хозяина спросить забыли.

Гущин вмешался:

— Разойдитесь. Опись составлена при участковом.

— Участковый к себе ничего не повёз, — сказала Евдокия из дверей.
Она принесла Лидину вторую туфлю. Держала её двумя пальцами, за ремешок.

— В доме осталась.

Арсений взял туфлю.

— Передам.

— Кому?

— Лиде.

— А она где?

Все посмотрели на дверь конторы. Прошло больше десяти минут.

Гущин вынул часы.

— За ремнём пошла.

— В одной туфле? — спросила Евдокия.

— Молодёжь теперь и не так ходит.

Никто не засмеялся.

Иванов появился на крыльце с книгой под мышкой.

— Не вернулась, — сообщил он. — Я отмечаю.

Гущин посмотрел на Арсения. Тот положил Лидину туфлю под верстак, рядом с ящиком Рожкова.

— Работайте, — сказал он носильщикам.

— А ремень? — спросил Гущин.

— Другой поставим.

К часу сани опустели. На дверях мастерской Гущин повесил новую пломбу, но Капитонов велел передать имущество Арсению, поэтому ключ оставили ему. Получилось две мастерские за одной дверью: его собственная и чужая, опечатанная так, что войти без свидетеля он не мог.

Улица не расходилась. Люди стояли небольшими группами, обрывая разговор при каждом его появлении. Отсутствие Лиды объяснили быстрее, чем могли найти её следы. Одни решили, что Арсений помог ей скрыться за долю имущества. Другие — что она сама отдала станок в обмен на свободу. Евдокия повторяла, будто Лида назвала его утром делильщиком. К двум часам слово «делильщик» уже звучало так, словно было должностью в описи.

Гущин запер контору на обед.

— Капитонов придёт после двух.

— Он сказал, участковый приведёт её.

— Вот и объяснишь участковому, куда она делась.

— Ты разрешил ей выйти.

— За ремнём. И ты это подтвердил. У тебя ремень есть?

Арсений молчал.

— Сходи домой, — сказал Гущин. — Может, она правда ждёт. Если ждёт — приведи. Если нет, хоть деньги пересчитай.

Арсений вышел через задний двор. На Большой он не пошёл, но и в переулках люди узнавали ключ Рожкова: тот был длинный, с круглой медной головкой, его невозможно было спрятать в карман, не порвав подкладку. Арсений нёс его в рукавице.

Дом-мастерская стоял через два квартала от артели. Дверь со двора была прикрыта. На снегу виднелись Лидины следы: один чёткий каблук, второй смазанный. Она вошла через калитку и, судя по следам, не выходила обратно.

Арсений толкнул дверь.

В мастерской было холодно. Нижний ящик верстака выдвинут, жестяная коробка открыта. Деньги лежали на месте. Исчез только старый кожаный ремень.

— Лида?

Никто не ответил.

Он прошёл в жилую комнату. Шкаф был открыт. Пальто жены висело на прежнем месте. На столе лежал завернутый в газету хлеб, рядом — его ключ.

Арсений развернул хлеб. Между ломтями была спрятана Лидина ученическая карточка, не та, которую забрал Капитонов, а старая, с фотографией в длинных косах. На обороте карандашом написано: «Не ищите».

Он перевернул карточку ещё раз, будто на лицевой стороне могло быть указано, куда она пошла. Фотография ничего не объясняла. Девочка на ней смотрела мимо объектива и ещё не знала, что через два года ей придётся доказывать собственное существование карточками.

В передней комнате часы молчали. Арсений снял их механизм утром, до прихода Гущина, и собирался промыть втулки. Дверца корпуса была закрыта, хотя он оставлял её настежь.

Он вспомнил звук, когда Савельев задел часы в артели. Нет — те часы были там, разобранные. Напольные стояли здесь. Значит, звякнуло в корпусе ещё до того, как их утром отвезли? Он устал и смешивал два одинаковых тёмных шкафа: домашние часы и пустой корпус заказчика у стены артели.

Арсений открыл дверцу.

За маятником белела полоска ткани. Он потянул. Из щели между задней стенкой и основанием выпал узкий холщовый свёрток, перевязанный суровой ниткой.

На ткани было выведено чернилами: «А. И. Рожков. № 4».

Арсений не сразу развязал узел. Он знал почерк Рожкова: крупные буквы, цифра четыре с открытым верхом. На коробках в описи номера шли от первого до третьего. Четвёртой не было.

В свёртке лежала заводная пружина — широкая, синеватая, ещё в защитной смазке. Не обычная часовая: слишком сильная для карманных часов и слишком узкая для башенного механизма. Такая могла принадлежать переносному контрольному хронометру, который Рожков собирал несколько лет. Он говорил, что закончит его к зиме и предложит железной дороге. На внутреннем конце пружины было выбито «Р-4».

Вместе с ней лежал сложенный вчетверо лист. Не письмо — таблица замеров. Даты, температура комнаты, число колебаний, поправка хода. Последняя строка обрывалась вчерашним числом.

Рожков работал до самого ареста.

Арсений сел на пол перед часами. Если Капитонов найдёт деталь, он добавит её к описи и спросит, почему она была скрыта. Если не найдёт — номер четыре останется у Арсения, а первые три коробки уже стоят в его мастерской. Любая будущая проверка покажет: он принял всё, кроме самой ценной части незавершённого прибора.

Лида выбрала место не случайно. Утром, пока он говорил про деньги и Белозерье, она увидела разобранные часы. Пружину принесла с собой из отцовского дома — может быть, держала под платьем в кладовой, пока Глебов сжимал её локоть. Она могла взять деньги, пальто, хлеб. Взяла только ремень, чтобы их ложь стала правдой, и спрятала отцовскую работу в часах человека, которого считала соучастником.

Это было доверие или обвинение.

Арсений поднял пружину. Она стремилась распрямиться, но проволоочная скоба держала витки. В такой детали была накоплена сила нескольких оборотов ключа. Освободи её без барабана — ударит по пальцам, рассечёт кожу. Поставь не туда — сломает слабый механизм.

В дверь постучали.

Арсений завернул пружину и сунул свёрток обратно за стенку часов.

— Кто?

— Открывай, — сказал Глебов.

Участковый вошёл один. Он заметил открытый ящик, коробку с деньгами, пальто в шкафу.

— Была?

— Была.

— Где теперь?

— Не знаю.

— А это что?

Глебов поднял со стола старую карточку. Прочитал надпись.

— Значит, была. И ты отпустил.

— Вы поручили артели сверку. Гуцин послал её за ремнём.

— Гуцин говорит, ты послал.

Арсений посмотрел на участкового. У того от мороза слезились глаза, и это придавало лицу жалобное выражение, не имевшее отношения к жалости.

— Я дал ключ.

— Куда велел идти?

— За ремнём.

Глебов подошёл к напольным часам. Дверца оставалась открытой. За его плечом Арсений видел край холста — совсем маленький, с ноготь.

— Эти часы твои?

— Отцовские.

— Ходят?

— Механизм в артели.

— Зачем?

— Чиню.

Участковый постучал костяшкой по корпусу. Пружина внутри ответила глухим металлическим звуком.

— Пустые, а звенят.

— Цепь осталась.

Глебов наклонился. Арсений мог оттолкнуть его, закрыть дверцу, заговорить о другом. Вместо этого взял с верстака длинную отвёртку и указал наверх.

— Вот цепь. За барабаном.

Участковый выпрямился, проследил за отвёрткой и увидел короткий обрывок цепи на верхней перекладине. Объяснение было достаточно точным, чтобы не проверять.

— Собирайся, — сказал он. — Капитонов ждёт.

— Я только закрою.

— При мне.

Арсений закрыл ящик с деньгами, шкаф и входную дверь. Часы оставил незапертыми: ключ от их дверцы лежал в артели вместе с механизмом. Выйти из дома, оставив чужую пружину внутри, оказалось труднее, чем подписать опись. Подпись видели все. Этот выбор — никто.

В конторе Капитонов сидел на месте Гуцина. Перед ним лежали оба экземпляра описи и книга выдачи. Савельев стоял у стены. Его вызвали из-за фамилии на коробке.

— Нашлась? — спросил Капитонов.

— Нет, — ответил Глебов. — Но дома была. Оставила карточку.

Он передал карточку. Капитонов прочитал оборот и положил рядом с описью.

— Куда могла пойти?

— Не знаю, — сказал Арсений.

— В Белозерье есть родня?

Вопрос прозвучал буднично. Арсений почувствовал, как внутри всё остановилось, хотя часы на стене продолжали тикать.

— Не знаю.

— У Рожкова сестра жены там жила. Марфа Петровна Селиванова. В бумагах записано. Капитонов говорил и наблюдал не за лицом Арсения, а за его руками. Арсений положил руки на колени.

— Значит, знаете лучше меня.

— Знаем. Поэтому спрашиваем, что ты ей сказал.

— Послал за ремнём.

— Она принесла?

— Взяла из мастерской.

— Где ремень?

— С ней.

Капитонов усмехнулся.

— Очень предусмотрительная беглянка. В одной туфле, зато с ремнём для станка.

Гущин покраснел. Савельев смотрел на Арсения с открытым любопытством, как на механизм, у которого сняли крышку.

— Я дал ей возможность выйти, — сказал Арсений.

Гущин резко втянул воздух.

Капитонов перестал улыбаться.

— Повтори.

— Для сверки она была не нужна. Я дал ей ключ и послал из конторы. Куда она пошла потом, не знаю.

Это была не вся правда, но первая за день фраза, в которой Арсений не прятался за устройством станка.

— Зачем?

— Ей семнадцать. Её отец арестован. Вы забрали документы и собирались вести её в отделение.

— Не тебе решать, кого вести.

— Поэтому я решил только, кому дать свой ключ.

Капитонов взял красный конец карандаша и поставил на полях описи галочку.

— Хорошо. Напишешь объяснение.

— Напишу.

— И имущество сдашь до выяснения.

— Оно уже опечатано.

— Сдашь нам. Всё по списку.

Савельев оттолкнулся от стены.

— Тогда и мою коробку проверяйте. Там не всё рожковское.

— Молчать, — сказал Гущин.

Но Савельев уже понял, что может защитить себя, если покажет чужую выгоду.

— Четвёртая была, — сказал он. — У Алексея четыре номера шли. Я сам видел. Четвёртый отдельно держал, с хронометром.

Арсений не повернул головы.

Капитонов нашёл строки с коробками.

— В описи три.

— Потому что четвёртой в шкафу не было, — сказал Арсений.

— А где была?

— Не знаю.

Савельев пожал плечами.

— Кто теперь узнает. Дом у него, станок у него, дочка через его мастерскую ушла.

— Дом не у меня.

— Ключ у тебя.

Капитонов перевернул лист.

— Что в четвёртой коробке?

— Пружина контрольного хронометра, — ответил Савельев. — Алексей говорил, одна такая на весь город. Из старого железнодорожного прибора переделывал.

— Дорогая?

— Не знаю. Арсений знает.

Теперь все смотрели на него.

Он мог сказать, что деталь у Лиды. Тогда станцию предупредят раньше, чем она доберётся до товарных путей. Мог признаться, что пружина в часах. Тогда его ложь о цепи станет сокрытием, а дом обыщут от пола до крыши. Мог продолжать молчать — и позволить подозрению стать единственным объяснением.

— Без прибора она почти ничего не стоит, — сказал Арсений.

— Я не спросил, сколько стоит, — произнёс Капитонов. — Я спросил, где.

— В доме её не было.

— В каком доме?

— У Рожкова.

Капитонов подвинул к нему чистый лист.

— Пиши: при составлении описи коробка номер четыре обнаружена не была. О местонахождении не знаю. Об уголовной ответственности за сокрытие предупреждён.

Арсений взял карандаш. На этот раз красный конец.

Он написал всё под диктовку, кроме последней фразы. Вместо «о местонахождении не знаю» вывел: «при описи местонахождение установлено не было».

Капитонов прочитал.

— Опять точность?

— Да.

— Она тебя погубит.

— Нет. Погубит то, для чего она вам нужна.

Гущин отвернулся к окну. Савельев тихо выругался без слова, одним выдохом.

Капитонов не стал заставлять переписывать. Подколол объяснение к описи и велел Глебову поставить у мастерской артели пост до передачи имущества. Сам обыск дома отложил до утра: требовались понятые и бумага из отдела.

— Ночевать будешь здесь, — сказал он Арсению. — В конторе.

— За что задержан?

— Не задержан. Охраняешь принятое имущество. Сам же подписал.

К вечеру улица узнала и про четвёртую коробку. Савельев вышел из конторы первым; к ужину пружина успела превратиться в готовый хронометр, затем в серебряный морской прибор и, наконец, в часы, по которым железная дорога будто бы сверяла все поезда. Чем меньше люди понимали её назначение, тем дороже она становилась.

Евдокия принесла Арсению кружку молока. Поставила на подоконник, не входя.

— Лида уехала? — спросила она.

— Надеюсь.

— Значит, помог.

— Помог.

— А пружину взял?

Арсений посмотрел на неё.

— Нет.

Евдокия кивнула, как кивают человеку, который подтвердил не словами, а отказом смотреть прямо.

— Алексей тебя уважал.

— Знаю.

— Потому и обидно.

Она ушла. Молоко осталось на подоконнике. Через час сверху схватилась тонкая плёнка.

Гущин разрешил Арсению лечь на лавке в конторе. На другой стороне двора Глебов сидел у опечатанной мастерской, время от времени стуча сапогами. Домой пройти было нельзя. До утреннего обыска оставалось часов десять.

Арсений ждал, пока в артели погаснут окна. Потом сказал Глебову, что нужно проверить пломбу изнутри: в мастерской пахнет гарью. Участковый открыл дверь и вошёл следом.

Никакой гари не было. Арсений снял с полки механизм своих напольных часов.

— Это не из описи, — сказал он. — Моё. Унесу в контору, чтобы не перепутали.

— Утром разберутся.

— Утром скажут, что я вынес рожковское. При тебе беру.

Глебов осмотрел платину, колёса, барабаны. На механизме стояло клеймо отца Арсения и дата — 1908.

— Бери.

Арсений завернул механизм в мешковину. Вместе с ним положил гири и маятник. Теперь его собственные часы были разобраны окончательно: корпус дома, сердце в конторе, ходовая часть на дворе под чужой пломбой. Именно это ему требовалось.

Ночью он не спал. Слушал, как настенные часы артели спешат на две минуты, как Глебов кашляет во дворе, как по улице проходит редкий извозчик. Семнадцать минут, которые отец оставлял про запас, закончились. Утром Капитонов придёт с понятиями и найдёт пружину.

Можно было попросить Гущина вынести механизм и предупредить Лиду. Можно было сломать пломбу, уйти через крышу сарая, спрятать свёрток в реке. Каждое действие требовало сообщника и превращало спасённую деталь в доказательство заговора.

Под утро Арсений понял, что сделает.

Когда Гущин пришёл открывать контору, он застал его за столом. Механизм напольных часов лежал разобранным на чистой бумаге.

— Ты с ума сошёл? — спросил Гущин. — Сейчас обыск.

— Поэтому и чиню.

Арсений снял заднюю планку механизма. За ней была узкая полость, куда прежний мастер вложил свинцовую пластину для выравнивания корпуса. Арсений вынул пластину.

— Что ты ищешь?

— Место.

— Для чего?

— Чем меньше знаешь, тем один раз соврёшь.

Гущин сел напротив.

— Она у тебя?

Арсений не ответил.

— Четвёртая пружина?

— Я сказал Капитонову: при описи её не нашли. Это правда.

— Где она сейчас?

— Не спрашивай.

Гущин закрыл лицо ладонями.

— Отдай. Скажи, девчонка подбросила. Тебя отпустят, мастерскую оставят. Ей хуже уже не будет, она скрылась.

— Значит, всё будет на ней.

— А сейчас на тебе.

— Сейчас она хотя бы может уехать.

— Ради железки?

Арсений посмотрел на разложенные колёса. Пружины среди них не было: напольные часы приводились гириями. Чужая деталь никогда не понадобится их ходу. Она будет просто лежать внутри, не выполняя своего назначения, зато меняя смысл всего механизма.

— Не ради железки. Ради того, чтобы у них не было причины искать её как укравшую.

— Они и без причины найдут.

— Тогда не я им её дам.

Гущин долго молчал.

— Улица решит, что ты взял.

— Уже решила.

— И Рожков, если вернётся.

— Ему скажу.

— Когда?

Арсений не знал.

Гущин поднялся.

— Я этого не видел.

— Чего?

— Вот теперь правильно.

Капитонов пришёл в половине восьмого с Глебовым и двумя понятыми. Обыскали дом, мастерскую, чердак, сарай и дровяник. Вынули ящики из верстака, простучали доски, развернули пальто жены. В напольных часах увидели пустой корпус. Арсений заранее снял дверцу, и тайник за задней стенкой казался обычной щелью рассохшегося дерева.

Пружина уже лежала не там.

Ночью, когда Глебов разрешил ему забрать механизм, Арсений получил возможность прикоснуться только к своим деталям. Утром Гущин на несколько минут оставил его одного, чтобы открыть ворота. Этого хватило: Арсений сходил домой якобы за отвёртками, вынул свёрток из корпуса и вернулся до прихода Капитонова. Теперь укороченная пружина, очищенная от ткани и смазки, была свёрнута в пустой полости за платиной. Таблица замеров лежала под циферблатом. Чтобы найти их, следовало разобрать механизм, который всю ночь находился в конторе артели под глазами Глебова.

Капитонов осмотрел часы дважды.

— Механизм где?

— В артели. Участковый видел, как я его забрал.

Глебов подтвердил.

— Зачем снял?

— Чиню.

— Всё ты чинишь.

Капитонов провёл пальцем по пыльной задней стенке. На подушечке осталась светлая древесная труха. Свежих следов он не заметил.

Обыск закончился без результата. В протокол внесли старую карточку Лиды, деньги в коробке и женское пальто. Капитонов заставил Арсения пересчитать деньги при понятых. Сумма была небольшой, но на улице к ней прибавили стоимость станка, ящиков и исчезнувшей пружины.

Когда все вышли, Евдокия стояла у калитки. Она увидела распахнутый дом, вывернутые ящики, часы без механизма. На миг Арсению показалось, что теперь она поймёт. Но Капитонов передал ему ключ и сказал:

— До отдельного распоряжения имущество остаётся у тебя под ответственностью.

Евдокия отвернулась.

К обеду на воротах мастерской кто-то написал углём: «ЧУЖОЕ ВРЕМЯ».

Арсений не стёр. Занёс механизм в дом, поставил его на стол и закрыл дверь. Пружина была слишком сильной для полости: задняя планка не садилась на место. Пришлось снять несколько витков. Он работал осторожно, удерживая металл тисками, но на последнем обороте скоба соскользнула. Пружина распрямилась и рассекла ладонь.

Кровь попала на таблицу замеров. Арсений вытер лист, оставив бурое пятно возле вчерашней даты. Потом снова свернул пружину — теперь меньшую, навсегда непригодную для хронометра — и закрепил внутри механизма.

Он сохранил деталь, уничтожив её назначение.

К вечеру часы снова стояли в комнате. Арсений подвесил гири, поставил маятник и завёл ход. Они пошли, хотя чужая пружина не двигала ни одного колеса. Она только добавляла вес там, где прежде лежала свинцовая пластина.

Арсений выставил стрелки по настенным часам артели, потом прибавил семнадцать минут.

С улицы донёсся стук. Кто-то бросил камень в ставню. Следом другой голос крикнул: — Рожковское верни!

Часы отсчитали минуту и ударили один раз — не по настоящему времени, а по тому, которое отец оставил впереди.

Арсений сел у стола, перевязал ладонь и записал на обороте таблицы: «Получено от Л. А. Рожковой. Не разъединять».

Он не написал, что спас её. Не написал, что испортил пружину. Не написал, сколько людей видели у него ключ и сколько не увидели выбора, сделанного в пустой комнате.

За окном Нижняя улица уже знала окончательную версию. Арсений принял станок, спрятал редкую деталь и отправил дочь хозяина прочь. Завтра подробности могли измениться, но порядок поступков останется именно таким.

Напольные часы шли на семнадцать минут впереди всех городских часов. Впервые Арсений подумал, что они не предупреждают беду.

Они просто раньше других назначают виновного.

Глава 4. Покупатель из области

Через два дня после того, как из часов выпала папка Рожкова, к дому подъехала белая «Волга». Снег на её капоте успел превратиться в серую корку, а на заднем стекле лежала выцветшая кепка. Машина остановилась не у калитки, а напротив окон мастерской, словно приехавший сперва хотел сравнить дом с адресом и решить, стоит ли выходить.

Михаил увидел её из-за верстака. Он как раз подбирал шайбу для будильника Зинаиды Павловны и с третьей попытки нашёл ту, что не болталась на оси. За работу ему обещали десяток яиц. Если поставить новую пружину, пришлось бы просить ещё муки, но новой пружины не было.

Вера сидела за столом в бывшей столовой. Она разложила листы из папки по газетам, не по порядку, а по состоянию: сухое к сухому, отсыревшее отдельно, фотографию под стекло. Михаилу такой порядок казался ненадёжным. Бумаги, разлучённые ради спасения, слишком легко привыкали жить порознь.

Из «Волги» вышел мужчина лет сорока пяти в тёмном пальто и городской шапке из гладкого меха. Он не захлопнул дверцу, а прижал её ладонью, чтобы замок сработал без удара. Потом посмотрел на крышу, на водосточную трубу, на каменный цоколь и только после этого вошёл во двор.

— Арсеньев Михаил Арсеньевич? — спросил он с порога.

— Смотря для чего.

— Для разговора. Сергей Леонидович Брагин.

Имя Михаил знал. Не человека — имя. Оно стояло в ноябрьской расписке, которую он спрятал не от Веры, а от самого себя между счетами за электричество. Брагин купил дедов хронометр и увёз в область, пообещав найти ему место в частном собрании.

— Хронометр остановился? — спросил Михаил.

— Идёт. Поэтому я здесь.

Брагин снял перчатку и протянул руку. Пальцы у него были чистые, ногти короткие. Не перекупщик с рынка, решил Михаил, хотя это ничего не доказывало. Перекупщики тоже научились выглядеть людьми, которым вещи достаются не случайно.

— Вы без звонка.

— Телефон в справочной не отвечает.

— Его отключили.

— Я догадался.

Вера появилась в дверях с листом промокательной бумаги в руках.

— Папа, у нас кто?

Брагин повернулся к ней всем корпусом.

— Покупатель. Если хозяин не передумал продавать.

— Что продавать?

Михаил положил шайбу рядом с будильником. На зелёном сукне она сразу потерялась.

— Пока ничего.

— Это мы и приехали выяснить, — сказал Брагин.

Он произнёс «мы», хотя в машине никого не было. Вера заметила это тоже: подошла к окну, посмотрела на пустое переднее сиденье.

— Кто дал вам адрес? — спросила она.

— Ваш отец.

— В ноябре?

— В ноябре он дал мне хронометр. Адрес был на расписке.

Михаил почувствовал, как разговор, ещё не начавшись, стал принадлежать дочери. Она положила промокательную бумагу на подоконник и протянула руку.

— Вера Арсеньева. Городской музей.

— Сергей Брагин. Ремонтное объединение «Вектор».

— Коллекционер?

— Покупатель, — повторил он. — Коллекционером человека называют, когда хотят увеличить цену.

В мастерской пахло машинным маслом и холодной золой. Брагин не попросил раздеться. Он медленно обошёл верстак, задержался у пустого прямоугольника на полке, где прежде стоял хронометр, потом посмотрел в столовую. Напольные часы были видны от порога целиком.

— Вот они, — сказал он.

Не вопрос. Михаил встал между ним и дверью.

— Кто сказал?

— На хронометре то же клеймо. А. А. и ласточкин хвост под перекладной. Я сначала принял за заводской знак. Потом снял нижнюю крышку.

— Зачем?

— Хотел понять, что купил.

— Вы купили исправный прибор.

— Исправных приборов много. С историей меньше.

Вера посмотрела на отца.

— Какое клеймо?

— Дед метил свои работы.

— Ты говорил, хронометр заводской.

— Я говорил, что он стоял в заводской поверочной.

— Это не одно и то же.

— Поэтому я употребил разные слова.

Брагин улыбнулся, но сразу спрятал улыбку. Ему нравилось, когда продавец и его семья сами снижали прочность вещи.

— Можно взглянуть? — спросил он.

— Нет, — сказал Михаил.

Вера сказала одновременно:

— Зачем?

Брагин ответил ей:

— Мне предложили часы для кабинета председателя нашего объединения. После Нового года у нас будет приёмная в бывшем купеческом доме. Высокие потолки, дубовая лестница. Современные часы там будут выглядеть как зубная пломба. Нужны напольные, русской работы, с понятным происхождением.

— Кто предложил наши?

— Человек, который видел хронометр. Я приехал проверить комплектность.

Слово было ремесленное, но в его устах означало цену.

— Они не продаются, — сказал Михаил.

— Я ещё не назвал сумму.

— Тогда тем более не продаются.

Брагин надел перчатку, однако уходить не стал.

— Двадцать восемь тысяч за корпус и механизм. Перевозка моя. Если есть паспорт, старые квитанции или фотография мастерской — тридцать две.

За окном с края крыши сорвалась сосулька и разбилась о бочку. Вера не шелохнулась. Михаил мысленно пересчитал сумму быстрее, чем хотел: уголь, электричество, страховой долг, листы железа на северный скат. Оставалось бы закрыть задолженность по налогу и выкупить

два ящика деталей у закрывшейся мастерской на Советской. Даже если деньги к весне обеспечатся, дом встретит оттепель с целой крышей.

— Вы ошиблись адресом, — сказал он.

— Нет, — ответил Брагин. — По ошибочному адресу столько не предлагают.

Вера прошла в столовую и закрыла дверь не до конца. Папка лежала на столе. Сквозь щель виднелся её серый угол.

— Документы к часам не относятся, — сказал Михаил.

Брагин посмотрел на щель.

— Я о документах не спрашивал.

— Но назвали квитанции и фотографию.

— Для кабинета нужна биография на одну машинописную страницу. Кто сделал, кому принадлежали, почему сохранились. Посетители любят старые вещи, если им сразу объяснить, что именно следует уважать.

— А если биография длиннее страницы?

— Тогда её сокращают.

Вера вернулась. В руках у неё была фотография: Лида у светлого корпуса часов, ещё без царапины на стекле. Она держала снимок за края, как учила практикантов.

— Такие материалы увеличивают цену? — спросила она.

— Безусловно.

— Даже если из них следует, что часы собраны из деталей разных владельцев?

Михаил повернулся к ней.

— Не следует.

— Пока не следует. Мы только начали опись.

Брагин снял перчатку снова. Он не попросил фотографию, лишь наклонился к ней.

— Девочка кто?

— Лидия Рожкова. Дочь арестованного мастера.

— Вера.

— Что? Это написано на обороте.

— На обороте написано имя. Остальное ты знаешь из описи.

— Поэтому я и не разъединяю их.

Брагин выпрямился.

— Я не специалист по бумагам тридцать седьмого года. И в кабинет они, откровенно говоря, не нужны. Председатель не захочет объяснять посетителям, при чём здесь арестованный мастер.

— А часы захочет? — спросила Вера.

— Часы показывают время. Бумаги требуют позиции.

Михаил подумал, что Брагин приехал не один. Вместе с ним вошёл весь нынешний порядок: вещи можно было очистить от обстоятельств, как медь от окиси, и потом дорого продать их спокойный блеск.

— Двадцать восемь, — повторил Брагин. — За дерево, ход и бой. Ваш архив остаётся у вас. Я даже готов вписать это в расписку.

— Великодушно, — сказала Вера.

— Практично. Бумаги купит музей. Часы куплю я. Каждый получит то, чем умеет распорядиться.

— А мы?

— Вы получите деньги дважды.

Вера положила фотографию на стол лицом вниз.

— Папа, покажи ему расписку за хронометр.

— Не сейчас.

— Она здесь?

— Здесь.

— В ней есть описание клейма?

Михаил промолчал. В расписке значилось: «регулятор переносной, мастерская А. Арсеньева, без подтверждающих бумаг». Последние три слова он сам настоял добавить, чтобы Брагин не вернулся с претензией. Теперь они выглядели не защитой, а признанием разрыва.

— Мне нужно увидеть механизм, — сказал Брагин. — Если знак совпадает, предложение действительно до пятницы.

— Почему до пятницы?

— Потом деньги уйдут на мебель. У денег, Михаил Арсеньевич, тоже есть ход. Только их нельзя завести ещё раз.

Он произнёс это без нажима, почти сочувственно. Оттого сумма стала реальнее.

Михаил открыл дверь в столовую. Часы стояли у стены, тёмные, выше любого из них. После того как они с Верой вынули папку, нижняя дверца закрывалась неплотно. Тонкая тень по краю выдавала перекося.

— Только смотреть, — сказал он.

Брагин присел, не касаясь корпуса, осмотрел петли и основание. Потом достал из внутреннего кармана маленький фонарь. Свет прошёл по царапинам, по старому ремонту ножи, по выцветшей полосе на дереве.

— Корпус старше механизма, — сказал он.

— Почему?

— Я спрашиваю.

— Тогда спрашивайте вопросом.

Брагин кивнул, принимая поправку.

— Корпус старше механизма?

— Возможно.

— Насколько?

— Механизм отец перебрал в тридцать седьмом. Раму усилил позже. Что осталось от первоначальной сборки, можно установить только при разборке.

— Разберём при погрузке.

— Нет.

— Для перевозки так безопаснее.

— Для перевозки безопаснее зафиксировать гири и снять маятник. Механизм остаётся в корпусе.

— Вы же понимаете, что я не повезу вещь, не увидев клейма.

— Вы её не повезёте.

Брагин выключил фонарь. Вера стояла у стола, положив ладонь на папку.

— Отдельно корпус сколько? — спросила она.

— Вера.

— Я хочу знать, что именно он оценивает.

Брагин подумал.

— Корпус — восемь. Механизм с циферблатом и боем — двадцать. Если клеймо то же. Но отдельно мне корпус не нужен.

— А бумаги?

— Я уже сказал.

— Сколько они прибавили бы к цене, если убрать из них Рожкова и оставить Арсеньева?

— Я ничего убирать не собираюсь.

— Вы собираетесь написать биографию на одну страницу.

Брагин впервые посмотрел на дверь.

— Я приехал покупать часы, а не сдавать экзамен вашему музею.

— Тогда покупайте часы без истории.

— Без истории они стоят меньше.

— Но вы предлагаете оставить историю нам.

Он помолчал, затем сказал:

— Мне нужно происхождение, а не весь ваш семейный спор. Фамилия мастера, год работы, два владельца. Этого достаточно, чтобы вещь не была безымянной.

— Нет, — сказала Вера. — Этого достаточно, чтобы она была неправильно названной.

Михаил видел, как она защищает не дом и не его право молчать. Она защищала сцепление предметов, потому что только оно давало её работе смысл. Ещё утром он считал это музейной жадностью: взять комнату, шкаф, письма, часы и назвать сохранением. Теперь другой человек предлагал расчленив всё аккуратнее и выгоднее, и Михаилу стало ясно, что между ними спорят две формы спасения, в каждой из которых ему самому отводится место переселяемого владельца.

— Фотографию положи обратно, — сказал он.

— Уже положила.

— Лицом вверх.

Вера перевернула снимок.

Брагин поднялся.

— Я могу оставить задаток. Пять тысяч сегодня. Вы закрываете срочное, до пятницы решаете остальное.

В мастерской мигнула лампа. Зелёный абажур погас, через секунду загорелся снова, тусклее прежнего.

— Видите? — сказал Брагин. — Дом сам голосует.

— Дом не голосует, — ответил Михаил. — У него проводка плохая.

— Тем более.

Брагин вынул из портфеля бумажный пакет. Не открыл, только положил на край стола. Пакет был толстым и перетянут аптечной резинкой. Михаил посмотрел на него и услышал, как в трубах отопления сдвинулся воздух. Котёл держал тепло плохо; к утру уголь приходилось выбирать из самых дальних углов сарая.

— Уберите, — сказала Вера.

— Я разговариваю с владельцем.

— А я фиксирую, что архивный комплекс предложено разъединить до завершения описи.

Она взяла карандаш и открыла рабочую тетрадь.

— Не пиши «архивный комплекс», — сказал Михаил.

— Почему?

— Потому что музей ещё ничего не купил.

— Комплекс существует не после покупки.

— А после чего?

— После того, как связь доказана.

— Она не доказана.

— Поэтому мне нужен механизм.

Брагин тихо постучал пальцем по пакету.

— А мне тоже нужен механизм. Только по другой причине.

Все трое посмотрели на часы.

Михаил вспомнил, как отец запрещал снимать заднюю планку без него. Не объяснял, не пугал полумкой — просто становился рядом и ждал, пока сын выберет другой инструмент. После смерти Арсения Михаил разбирал механизм десятки раз, но планку не трогал: она казалась частью рамы. Теперь за ней могла оставаться чужая пружина, а могла лишь пустота и

четыре тёмных винта. Папка уже выпала из тайника. Всё, что связывало её с часами, пока помещалось в одной надписи: «Не разъединять».

— Осмотр закончен, — сказал Михаил.

Брагин убрал пакет не сразу.

— Вы продали мне хронометр дешевле, чем этот корпус стоит отдельно. Значит, тогда деньги были нужны сильнее, чем вещь. Сейчас у вас течёт крыша, телефон отключён, свет моргает. Я не оскорбляю вас, Михаил Арсеньевич. Я предлагаю выход.

— Вы предлагаете вынести выход из дома.

— Дома продают, чтобы в них не умереть.

— А часы?

— Чтобы дом не пришлось продавать.

Это была точная фраза. Михаил ненавидел её именно за точность.

Он взял со стола лист с музейным договором. Внизу стояла сумма, почти такая же, но в договор вместе с бумагами входил дом и условие о нежилом фонде. Брагин предлагал оставить стены, вынести часы и не задавать вопросов о людях из папки. Если совместить две сделки — часы Брагину, бумаги музею, — можно было получить деньги и сохранить дом. Только музей лишился предметного доказательства, а часы — причин, по которым их механизм собирали заново.

— До пятницы, — сказал Брагин. — Потом предложение утратит силу.

— В пятницу музей ждёт договор, — сказала Вера.

— Значит, день выбран удачно.

Он протянул Михаилу визитную карточку. На ней были два номера, областной и домашний, и адрес ремонтного объединения. Михаил положил карточку рядом с шайбой. Белый прямоугольник сделал маленькую стальную деталь заметной.

— Хронометр у вас? — спросила Вера.

— Пока да.

— Пока?

— Я покупаю не для себя одного.

— Кому вы его передадите?

— Это будет зависеть от сделки.

Михаил поднял глаза.

— Как часы связаны с хронометром?

Брагин застегнул портфель.

— Никак, если клейма разные. Если одинаковые — это работы одной мастерской, и их лучше показывать вместе. Но председателю нужны часы. Хронометр можно обменять другому собирателю.

— Вы уже обещали его?

— Я сказал: он идёт. Других обещаний в нашей расписке нет.

Он попрощался с Верой первым, с Михаилом — коротким кивком. Во дворе осмотрел крышу ещё раз. «Волга» завелась не сразу; стартер провернулся дважды, и только на третий двигатель схватил. Михаил слушал этот звук с невольным удовлетворением.

Когда машина исчезла за углом, Вера заперла калитку.

— Ты позвонишь ему, — сказала она.

— Телефон отключён.

— Найдёшь работающий.

— Если уже решила, зачем спрашиваешь?

— Я не спрашиваю. Я пытаюсь понять, сколько у меня времени.

Она вернулась к столу, надела хлопчатобумажные перчатки и раскрыла папку. Движения стали слишком ровными.

— Ты показала постороннему фотографию, — сказал Михаил.

— Я показала связь.

— Ты рассказала про арест.

— Он хотел купить происхождение без содержания.

— А ты решила добавить содержание бесплатно.

Вера сняла перчатки.

— Он уже купил часть этой истории. Твой хронометр с дедовым клеймом. Без бумаг. Ты это сделал в ноябре, а теперь учишь меня не разъединять.

— Хронометр не был частью папки.

— Откуда ты знаешь?

Михаил посмотрел на часы. Стрелки показывали двадцать минут четвёртого. Наручные — три минуты четвёртого.

— Потому что отец хранил бумаги в этих часах.

— И написал «не разъединять». Не «не разъединять папку». Не «не выбрасывать». Значит, он мог иметь в виду всё: корпус, механизм, пружину, таблицу, хронометр.

— Или два листа, скреплённые ржавой скобой.

— Тогда давай установим.

Она придвинула стул к часам.

— Снимем механизм, сверим клеймо и крепления. Я вызову музейного фотографа.

Ничего не повредим.

Михаил встал перед дверцей.

— Нет.

— Почему?

— Потому что Брагин именно этого хотел.

— Брагин хотел проверить цену. Я хочу зафиксировать связь до того, как ты ему позволишь.

— Не позвоню.

— Как с хронометром?

Он мог ответить, что в ноябре другого выхода не было. Это было бы почти правдой. Деньги за хронометр ушли на уголь и старый долг перед Николаем с лесопилки. Но «другого выхода» всегда означало лишь: выход, который он выбрал, оказался уже позади, а остальные после этого удобно исчезли.

Вера подняла карточку Брагина.

— Я заберу её.

— Положи.

— Чтобы ты не продал часы тайком.

— Это мой дом и мои часы.

— Тогда почему долг наш?

Карточка согнулась между её пальцами. Михаил протянул руку, и Вера отдала её. Не потому, что согласилась, а потому, что не хотела рвать доказательство.

— До пятницы часы не открываем, — сказал он.

— До пятницы ты выбираешь покупателя.

— До пятницы я выбираю, как оставить крышу над нами.

— Нет. Крышу ты уже превратил в оправдание. Выбираешь, будет ли у этих бумаг предмет, к которому они относятся.

Она собрала листы в папку, но не стала убирать фотографию внутрь. Положила её на часы, прислонив к циферблату. Семнадцатилетняя Лида стояла возле того же корпуса и смотрела прямо в комнату, где спустя пятьдесят шесть лет двое Арсеньевых делили право решать, что именно она оставила им на хранение.

— Я составлю предварительную опись, — сказала Вера. — Каждый лист, каждую отметку, каждую видимую переделку корпуса. Если после этого что-то исчезнет, останется запись.

— Запись не удержит вещь.

— Зато не даст сделать вид, что вещи никогда не были вместе.

Она села и написала дату. Потом заголовок: «Комплекс напольных часов мастерской Арсеньевых и документов семьи Рожковых». Михаил хотел зачеркнуть слово «комплекс», но не подошёл.

Вечером он поднялся на чердак с ведром и поставил его под новую течь. Вода падала редко, через разные промежутки. Под такой стук невозможно было уснуть и невозможно было предугадать следующую каплю.

Из люка виднелась часть столовой. Вера работала при настольной лампе. На полу лежала линейка, рядом — лист с обмером корпуса. Она не открывала нижнюю дверцу: соблюдала его запрет, одновременно готовя всё, чтобы сделать запрет последним.

Михаил достал карточку Брагина. Два телефонных номера, адрес, фамилия. На обороте он записал ноябрьскую сумму за хронометр и сегодняшнее предложение. Ниже вычел долги. Остаток получился достаточным, чтобы заменить кровельное железо.

Он порвал расчёт пополам, но карточку не выбросил.

Спустившись, Михаил увидел на столе новую папку. Вера переписала на её обложку дедовы слова: «Не разъединять». Под ними добавила карандашом: «Состав не установлен».

Часы пробили четыре, хотя на кухне было без семнадцати. Бой отозвался в пустом ведре наверху.

Вера подняла голову.

— Если продашь корпус, механизм останется?

— Он предлагает за всё.

— Я спрашиваю тебя.

Михаил посмотрел на дверцу, за которой могло находиться единственное вещественное объяснение поступка его отца.

— При перевозке механизм снимают, — сказал он.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Он завёл часы одним оборотом ключа. Гирия поднялась лишь немного — хода до утра. Раньше Михаил заводил их на неделю. Теперь не хотел давать механизму больше будущего, чем мог обещать сам.

Показание без подписи

К утру ведро на чердаке набралось на два пальца. Михаил вынес его во двор, выплеснул под смородину и поставил обратно под течь, будто за ночь ничего другого в доме не произошло. Когда он спустился, на столе уже лежали три стопки бумаг. Вера разделила их полосками серого картона: «Опись», «Переписка», «Без даты».

— Ты спала? — спросил он.

— В музей посплю.

— Там тебе за это не платят.

— Там мне вообще второй месяц не платят.

Он снял крышку с эмалированного чайника. На дне плавали две чайники. Газ в баллоне берегли, и Михаил налил в кружку вчерашнюю воду. Вера не убирала листья, хотя прежде при еде не позволяла ставить рядом даже сахарницу. На руках у неё были хлопчатобумажные перчатки, потемневшие на кончиках пальцев.

— Я составила сорок семь позиций, — сказала она. — Не считая часов и того, что внутри.

— Внутри ничего не трогай.

— Я слышала.

— Тогда зачем повторяешь?

— Чтобы ты понял: я услышала запрет, а не согласилась с ним.

Михаил выпил холодную воду. В мастерской тикали трое наручных часов, принесённых накануне из заводского общежития. Напольные молчали до четверти девятого, потом пробили девять. Вера записала в рабочую тетрадь: «Бой опережает фактическое время на 17 минут». Для неё даже семейная привычка уже стала состоянием предмета.

Она взяла из стопки лист, прищурилась и поднесла к окну.

— Здесь два почерка, — сказала она.

— В описи у деда и у Гущина.

— Не в описи. На одном листе.

Михаил не подошёл. Он разложил на верстаке отвёртки по размеру, хотя с вечера они и так лежали правильно.

— Может, чернила разные.

— Чернила как раз похожи. Верх написал дед, низ — кто-то другой. Смотри: «в количестве четырёх коробов». А ниже между строк вставлено: «согласно заявлению соседей, использовал помещение для встреч и хранения изделий, не внесённых в артельный учёт».

— Это не новость. Капитонов дописывал.

— Возможно. Но я говорю не об этом.

Она положила лист на промокательную бумагу и вынула из папки узкий обреза. Он был сложен вчетверо, по сгибам почти разошёлся. С одной стороны осталась таблица: номера коробов, число механизмов, вес латуни. С другой шёл сплошной текст без обращения и даты.

— Где ты его взяла?

— Между третьим экземпляром описи и перечнем инструмента. Он прилип к обороту.

— Значит, там и оставь.

— Сначала прочитай.

— Ты уже прочитала.

— Я хочу, чтобы ты прочитал сам.

Михаил вытер руки о халат, хотя не касался масла. Взял лист за края. Бумага была тонкая, канцелярская, с выцветшей синей клеткой. Первые строки начинались без имени: «Сообщаю, что мастер Рожков Алексей Иванович неоднократно принимал у себя неизвестных лиц после окончания рабочего дня...» Дальше говорилось о деталях без клейм, о разговорах возле

мастерской и о том, что Рожков «выражал недовольство установленным порядком сдачи готовых изделий». Последнее предложение обрывалось: «Считаю необходимым проверить происхождение находящихся у него...»

Подписи не было.

Михаил вернул лист.

— Черновик.

— Чей?

— Не знаю.

— Знаешь.

— Ты нашла фамилию?

— Почерк деда.

— Ты видела три его записки и решила, что стала экспертом.

Вера молча положила рядом оборотную сторону описи. В заголовке Арсений писал крупно и прямо, в перечне мельче, экономя место. На черновике буквы были ещё теснее, но одинаковая «д» стояла на двух ножках, а нижний хвост «у» уходил влево и почти касался предыдущего слова. Вера карандашом отметила прозрачными уголками пять совпадений. Ни одного слова на оригиналах она не обвела.

— Я не эксперт, — сказала она. — Поэтому и не пишу «автор установлен». Пишу: «предположительно выполнено той же рукой». Потом покажу почерковеду из областного архива.

— За какие деньги?

— Он должен мне за опись фонда уездного суда.

— И ты уже позвонила?

— Телефон в музее работает.

Михаил подошёл к окну. На соседнем участке Николай с лесопилки колол сырые чурки, каждую ставил на торец дважды: первый раз примерялся, второй бил. После продажи хронометра Михаил вернул ему половину долга. Остальное обещал до конца месяца. Теперь до конца месяца оставалось девять дней.

— Без подписи это не донос, — сказал он.

— А что?

— Упражнение. Черновик чужой бумаги. Мог переписывать по просьбе. Мог записывать со слов Капитонова. Мог готовить объяснение.

— Объяснение начинается со слов «я, такой-то». Здесь написано «сообщаю».

— Люди писали как умели.

— Дед умел составлять описи. Это видно.

— Тем более мог составить для другого.

Вера сняла перчатки и размяла пальцы. От долгой работы на среднем пальце осталась красная полоса.

— Ты всякий раз добавляешь возможность, которой нет на бумаге.

— А ты всякий раз отнимаешь её.

— Я оставляю неопределённость.

— Нет. Ты уже придумала стэнд.

Она посмотрела на папку, затем на часы.

— Да.

Ответ прозвучал так спокойно, что Михаил обернулся.

— Что — да?

— Я начала писать выставочный материал.

— Без договора?

— Рабочий текст. Не для публикации.

— Без моего согласия.

— Архив не твой один.

— Пока он в моём доме — мой.

— Тогда и бумаги Рожковых твои? И Лидина фотография? И пружина, которую ты собираешься продать вместе с корпусом, тоже твоя?

— Пружину никто не продаёт.

— Откуда ты знаешь, если не даёшь открыть механизм?

Михаил снял с гвоздя ключ от нижней дверцы и положил в нагрудный карман. Жест вышел слишком явным. Вера проследила за ним, но ничего не сказала.

На улице хлопнула калитка. Николай вошёл без стука, принёс свёрнутую квитанцию и три короткие доски.

— От поддонов осталось, — сказал он. — На латку сгодятся. Только железо всё равно покупать.

Он поставил доски у двери и заметил разложенные листы.

— Не вовремя?

— Как всегда, — ответил Михаил.

Николай протянул квитанцию. На обороте карандашом были записаны суммы: ноябрьский уголь, мешок муки, две пачки гвоздей. Михаил не взял бумагу.

— Я помню.

— Я не тороплю. Для порядка принёс.

Вера посмотрела на квитанцию внимательнее, чем следовало. Николай спрятал её в карман.

— В пятницу отдам, — сказал Михаил.

— Если получится.

— Получится.

Николай кивнул, но на часы не посмотрел. В городе уже знали, зачем приезжала чёрная «Волга». Михаил увидел это по нарочитому безразличию соседа.

— Покупатель хороший? — спросил Николай у двери.

— Покупателя нет.

— Я и говорю: если получится.

Когда калитка закрылась, Вера взяла чистую карточку и написала номер квитанции из памяти.

— Не смей, — сказал Михаил.

— Это не в опись. Я считаю обязательства.

— Мои обязательства тебя не касаются.

— Крыша общая.

Он хотел ответить её вчерашними словами — почему же долг наш, если дом его, — но не стал. Вместо этого вынул из папки черновик и поднял к свету. Водяного знака не было. По левому краю шли два прокола, словно лист когда-то подшивали, потом вырвали. Разрыв возле верхнего отверстия потемнел. Бумага могла побывать в чужом деле, могла быть принесена Арсению для копирования, могла остаться у него после обыска. Каждая возможность была правдоподобна ровно настолько, насколько помогала ничего не решать.

— В описи тридцать седьмого этот лист указан? — спросил он.

— Нет. Там вообще нет документов. Только инструмент, сырьё и незавершённые изделия.

— Значит, его могли положить когда угодно.

— Могли.

— Даже отец.

— Мог.

— Ты сама это признаёшь.

- Конечно. Только папа не мог написать его в тридцать седьмом почерком своего отца.
- Мог найти в другом месте.
- И спрятать рядом с описью, ничего не объяснив. Да. Это ещё одна версия.

Михаил услышал в её согласии не уступку, а место на будущем стенде: «Происхождение документа не установлено». Под этой осторожной строкой зритель всё равно прочтает единственную фамилию, которую ему покажут.

- Выставки так не делают, — сказал он.
- Как?
- Ставят подозрение под стекло, а оправдание оставляют в разговоре.
- Тогда помоги написать оправдание.
- Я не обязан оправдывать своего отца перед людьми, которые не знали его.
- Ты сейчас его не оправдываешь. Ты запрещаешь проверить.

Он взял листы описи и начал складывать по прежним стигам. Вера удержала верхний.

- Не надо. Бумага ломается.
- Пятьдесят шесть лет не сломалась.
- Потому что её почти не трогали.
- Вот и не трогай.

Они стояли по разные стороны стола, держась за один лист. Михаил первым отпустил. Вера выровняла бумагу ладонью через промокашку и занесла в карточку: «Следы прежнего четырёхкратного сложения; верхний стиг ослаблен». Затем добавила: «Новый механический дефект не образован». Это было адресовано ему, хотя написано казённым языком.

- Покажи свой текст, — сказал Михаил.

Она достала из сумки школьную тетрадь. На обложке осталось расписание шестого класса, внутри первые страницы были вырваны. Вера раскрыла середину.

«В 1937 году после ареста ветлужского мастера Алексея Рожкова его имущество было описано и передано на хранение часовой артели. Опись составил молодой мастер Арсений Арсеньев. Сохранившиеся семейные документы позволяют предположить, что его роль не ограничивалась технической работой...»

Михаил дочитал абзац и закрыл тетрадь.

- «После ареста» — будто он уже виноват.
- Арест — факт, не вина.
- «Передано артели» — будто артель отобрала.
- В описи написано: принято на ответственное хранение.
- Так и пиши.
- Хорошо.
- «Роль не ограничивалась» убери.
- Почему?
- Потому что ты не знаешь, чем она ограничивалась.

Вера открыла тетрадь и зачеркнула фразу одной линией, оставив её читаемой.

- Дальше.
- Дальше ничего нет.
- Есть. Ты сказала, что начала материал.
- Я начала с предметов. Вот часы, вот опись, вот фотография, вот черновик. А вывод

должен появиться между ними, не вместо них.

- У посетителя появится тот вывод, к которому ты его подведёшь.
- Поэтому мне нужен твой рассказ.
- Чтобы поставить рядом с доносом?
- Чтобы донос не говорил один.

Михаил вернул тетрадь.

— Он и так ничего не говорит. На нём нет подписи.

Вера долго смотрела на него, потом снова надела перчатки.

— Хорошо. Назовём это не доносом. «Черновик сообщения о Рожкове».

— «Неустановленный лист».

— У листа установлено содержание.

— Не установлено назначение.

— Тогда так и напишем: «Черновик неустановленного назначения, содержащий сведения о Рожкове».

— И убери почерк.

— Нет.

— Ты только что согласилась.

— Я согласилась не выдавать версию за факт. Совпадения почерка — наблюдение.

— Твоё.

— Проверяемое.

— Не в нашем городе.

— Город не заканчивается там, где отключили междугородную связь.

Михаил прошёл в мастерскую и включил настольную лампу. Свет упал на пустой круг материи, где вчера лежала шайба для Брагина. Он поставил на круг будильник из общежития, снял заднюю крышку и сразу увидел оборванную пружину завода. Ремонт был простым, но подходящей детали не было. Раньше он поднялся бы на склад заводской службы, выписал пружину и вернул часы к обеду. Теперь склад опечатали, а пружины продавали на рынке вместе с кранами, подшипниками и украденными свёрлами.

Вера вошла следом.

— Я поеду в музей, — сказала она. — Возьму тетрадь, не оригиналы.

— И что будешь делать?

— Напечатаю карточки. Закажу фотокопии, если найду плёнку.

— У тебя нет согласия владельца.

— На рабочую подготовку оно не требуется.

— Владелец запретил.

— Владелец не установлен.

Он положил отвёртку.

— Это мой отец спрятал бумаги в моих часах, которые стоят в моём доме.

— В описи есть имущество Рожкова. Фотография его дочери. Техническая таблица с его инициалами. Даже если часы твои, содержание не становится твоей биографией.

— Зато твоя должность не делает всё вокруг музейным.

— Нет. Музейным это делает угроза исчезновения.

Она произнесла последнее слово и посмотрела на пустое место от шайбы. Михаил понял, что она видела его расчёт на обороте карточки Брагина, прежде чем он порвал бумагу. Обрывки лежали в ведре под верстаком.

— Ничего не исчезло, — сказал он.

— Хронометр исчез.

— Продан.

— Для истории разницы нет.

— Для угля есть.

Вера взяла сумку. У двери остановилась.

— Я вернусь после шести с фотографом.

— Не пущу.

— Тогда он снимет бумаги во дворе.

— Бумаги из дома не выйдут.

— Значит, откроешь.

Она ушла, оставив рабочую опись на столе. Михаил услышал, как калитка ударилась о столб и отскочила. Он подождал, пока шаги стихнут, затем вернулся к папке.

Черновик лежал отдельно. Вера подложила под него лист белой бумаги, и неровные строки стали виднее. Михаил читал медленно, останавливаясь на каждом обороте, который мог принадлежать отцу и мог не принадлежать. «Неоднократно принимал». «Не внесённых в учёт». «Выражал недовольство». Такими словами человек не рассказывал о другом человеке. Такими словами он передавал его туда, где разговор уже превращался в основание.

На обороте, под таблицей замеров, возле самого края стояли две бледные буквы. Раньше их закрывал загиб: «не п...» Дальше волокна были вырваны. Михаил поднёс лист к лампе, повернул. Это могло быть «не подписал», «не проверено», «не передавать». Любое продолжение меняло бумагу, а бумага не давала ни одного.

Он нашёл лупу. Чернила двух букв были серее основного текста. Возможно, запись появилась позже. Возможно, раньше. Возможно, её сделал Рожков, Арсений, Гущин или человек, имени которого в папке не было.

Михаил открыл нижний ящик верстака, куда Вера не заглядывала. Под квитанциями лежала отцовская расчётная книжка за 1967–1969 годы. На последней странице Арсений записывал домашние расходы: керосин, сапоги, стекло, лекарства. Михаил приложил черновик рядом.

Совпадала не только буква «д». Совпадал способ теснить конец строки, поднимая последние слова вверх. Совпадала привычка начинать цифру семь с короткой верхней черты. Совпадало неправильное, слишком широкое расстояние после точки.

Он закрыл книжку и убрал обратно.

К полудню дождь усилился. В мастерской стало темно, и часы пришлось чинить при лампе. Михаил разобрал будильник, очистил ось, подобрал старую пружину из коробки списанных деталей. Она была на миллиметр шире. Он сточил край, понимая, что металл после этого станет слабее. Иногда исправная работа состояла не в том, чтобы вернуть вещи первоначальное устройство, а в том, чтобы дать им ещё немного времени ценой будущей поломки.

В три часа пришла женщина из общежития за будильником. Михаил сказал, что готово, и не взял плату полностью.

— После получки занесу, — пообещала она.

— Лучше пружину найдите. Эта временная.

— А сколько проходит?

— Не знаю.

Женщина улыбнулась, словно он пошутил.

— Вы же мастер.

— Поэтому и не знаю.

После её ухода он записал ремонт в журнал. В графе «гарантия» поставил прочерк. Потом зачеркнул и написал: «до замены заводной пружины». Определённости не стало больше, но граница ответственности появилась.

Вера вернулась без фотографа. Плащ у неё промок на плечах, из сумки торчал рулон серой бумаги.

— Не нашла плёнку? — спросил Михаил.

— Нашла фотографа. Он отказался идти после твоего звонка.

— Я ему не звонил.

— Значит, Брагин успел раньше.

Она развернула на столе пробный макет. Серые прямоугольники обозначали предметы, белые полосы — подписи. В центре было пустое место размером с лист описи.

— Это уже выставка? — спросил Михаил.

— Внутренняя заявка. Если директор подпишет, получим витрину и бумагу.

— А если я не подпишу договор?

— Тогда будет выставка о несостоявшейся выставке. С копиями моей рабочей описи и описанием утраченного комплекса.

— Угрожаешь?

— Предупреждаю, что отсутствие предмета тоже становится фактом.

Он взял макет. В правом нижнем углу Вера написала заголовок: «Человек своего времени?» Знак вопроса был крупнее остальных букв.

— Нет, — сказал Михаил.

— Почему?

— Потому что это ловушка. Что бы человек ни сделал, вы потом решите, своему он служил времени или чужому.

— Предложи другой.

Михаил хотел отодвинуть лист, но задержал руку. На макете было пять мест: часы, опись, фотография Лиды, черновик и пустой прямоугольник с подписью «Устное свидетельство семьи Арсеньевых». Вера действительно оставила ему пространство. Оно было меньше описи, но не спрятано.

— «Семнадцать минут», — сказал он.

— Это только про часы.

— Нет. Про то, что можно спешить и всё равно опоздать.

Вера стёрла прежний заголовок резинкой. Серый след остался.

— Хорошо. Рабочее название — «Семнадцать минут».

— Я не согласился на выставку.

— Ты согласился на название.

— Я предложил название для твоей бумаги.

— Так и запишу.

Она достала тетрадь и на полях первого абзаца написала: «Название предложено М. А. Арсеньевым». Михаил увидел, как быстро частный разговор превращается у неё в документ.

— Черновик не показывать, — сказал он.

— Пока не будет экспертизы — только как предмет с неустановленным авторством.

— Это значит показывать.

— Это значит не скрывать его существование.

— Без подписи он ничего не доказывает.

— Подпись тоже не доказала бы мотив. Только авторство.

— Тогда зачем он тебе?

Вера помолчала.

— Потому что рядом с ним опись перестаёт быть просто технической работой. Но и сам он рядом с описью перестаёт быть готовым обвинением. Один человек мог составить бумагу против Рожкова, подписать сохранность его вещей, спрятать его дочь и потом всю жизнь хранить то, что могло его погубить. Мне нужна не чистая версия. Мне нужно, чтобы эти действия не разнесли по разным людям только ради удобства.

— А если черновик писал не он?

— Тогда мы это скажем.

— После того как город прочитает заголовок?

— До. На карточке.

Михаил сел напротив. Дождь стучал по ведру наверху уже часто, почти ровно. Напольные часы показывали без двадцати пять, кухонные — без трёх минут пять.

— Отец не говорил про этот лист, — сказал он.

Вера не потянулась за карандашом.

— Никогда?

— Про опись говорил. Про Рожкова говорил мало. Считал, что спас Лиду, и не терпел, когда его спрашивали, что стало с мастерской.

— Почему?

— Потому что мастерская осталась ему.

— Это я знаю из описи.

— Нет. Из описи ты знаешь, что он принял имущество на хранение. А осталось оно ему потом. Станок, резцы, коробки. Не всё. Что-то забрала артель, что-то растащили. Но начинал он после войны на рожковском станке.

Теперь Вера взяла карандаш, однако держала над тетрадью и ждала.

— Записывай, — сказал Михаил. — Только моими словами.

Она записала: «По свидетельству Михаила Арсеньева, после войны Арсений работал на станке из мастерской Рожкова». Подвинула тетрадь к нему.

— Так?

— Так.

— Что ещё?

— Ничего.

— Он считал, что спас Лиду?

— Это не для стенда.

— Почему?

— Потому что это его оправдание.

— Оправдание тоже часть истории.

— Тогда напиши рядом, что станок остался ему. Без «но» между фразами.

Вера записала обе строки отдельно. Михаил прочитал и поставил под ними инициалы. Не подпись — две буквы. Он сразу понял нелепость различия: посетителю хватит инициалов, а ему они позволяли думать, что окончательного согласия не было.

— Оригиналы остаются здесь, — сказал он.

— До пятницы?

— До решения.

— Чьего?

— Моего.

— Тогда у решения должна быть дата.

— Почему?

— Потому что без даты запрет превращается в способ ничего не решать.

Михаил посмотрел на часы. Семнадцать минут, которые дед когда-то прибавил к циферблату, теперь отделяли их от любого общего времени. Для него пятница наступала слишком быстро. Для Веры она уже началась.

— Завтра вечером, — сказал он. — До шести.

Она записала срок рядом с его инициалами.

— И ещё одно, — добавил Михаил. — В рабочем тексте не называй лист доносом.

— «Черновик сообщения».

— «Лист без подписи».

— Это описание формы, не содержания.

— Пока автор не установлен, форма честнее содержания.

Вера подумала и написала на карточке: «Лист без подписи. Черновик сообщения, содержащего обвинительные сведения об А. И. Рожкове. Предполагаемое авторство требует проверки».

— Так?

Михаил прочитал дважды.

— «Обвинительные» убри.

— Там обвинения.

— Там сведения.

— Сведения о неучтённых изделиях и недовольстве порядком. В тридцать седьмом это не нейтральное описание.

— Ты не можешь написать на карточке весь тридцать седьмой год.

— Поэтому нельзя делать вид, что слова нейтральны.

Он взял карандаш и зачеркнул «обвинительные». Вера не стала восстанавливать. Под строкой она добавила маленько: «Редакция формулировки не согласована».

— Это оставишь?

— В рабочем деле — да. На выставке — нет.

Михаил вернул карандаш.

Они убрали оригиналы в новую папку. Черновик Вера вложила в отдельный конверт из бескислотной бумаги, принесённый из музея, и подписала только номер: «А-5». Старую папку положили рядом, не заменяя ею новую. Фотографию Лиды поместили между двумя листами кальки. Опись осталась разложенной, потому что старые сгибы могли не выдержать ещё одного закрытия.

Когда Вера понесла папку к шкафу, Михаил остановил её.

— Не туда.

— Почему?

— От стены сырость.

Он освободил верхнюю полку в мастерской, снял коробку с заводскими табелями и поставил документы туда. Получилось выше глаз и дальше от двери. Не тайник, но и не витрина.

Вера прикрепила к полке карточку: «Временное хранение до 18:00 22 апреля 1993 года». Михаил хотел снять её, потом передумал.

Напольные часы пробили шесть в семнадцать минут седьмого. На этот раз бой не ото-звался эхом: ведро наверху переполнилось, вода текла через край на доски чердака почти бесшумно.

Михаил первым услышал каплю в коридоре. Она упала на половицу между мастерской и столовой, затем вторая — на край стола, где ещё лежал выставочный макет.

Вера накрыла макет ладонью.

Михаил взял ведро и поднялся наверх. Под течью расплзлось тёмное пятно, шире прежнего. Он переставил ёмкость, подложил доску Николая, прижал сверху кирпичом кусок рубероида. Временная мера требовала ещё одной временной меры, и каждая была вполне разумной, пока дом не состоял из них целиком.

Спускаясь, он увидел через люк Веру. Она стояла на табурете у верхней полки и проверяла, не дошла ли сырость до папки. Лист без подписи лежал теперь выше обеих — защищённый от дождя, продажи и немедленного вывода. До завтра, до шести.

Это был короткий срок. Но впервые в доме срок означал не время, оставшееся до чужого решения, а обещание вынести своё.

Глава 6. Ночная поверка

В половине второго Михаила разбудил не дождь, а тишина.

Вода больше не стучала в ведро на чердаке. Она нашла другой путь. С потолка в мастерской свисала тёмная капля, росла, тяжелела и падала на верхнюю полку — туда, где вечером поставили папку Рожкова и коробку заводских табелей.

Михаил вскочил, ударился коленом о кровать и прошёл в мастерскую без света. Напольные часы показывали без четверти два, кухонные — два часа ровно. По настоящему времени определить было нельзя: после вечернего боя он не сверил ни одни.

Папку он снял первой. На картонной крышке темнело пятно величиной с пятак, но до конверта с листом вода не дошла. Коробка под папкой размокла по ребру. Когда Михаил потянул её к себе, дно выгнулось и на пол выпали три толстые тетради, перевязанные бечёвкой.

Он успел подхватить только верхнюю. Две другие ударились корешками о доски. Между страницами посыпались узкие полоски бумаги — серые, синие, один раз розовые. Михаил поставил на пол таз, перенёс документы на стол и включил лампу.

На первой тетради было написано: «Инструментальный цех. Табель явок. Ноябрь — декабрь 1937». Почерк не отцовский. Арсений поставил в правом углу маленький знак, которым всю жизнь отмечал проверенные механизмы: круг и короткую черту сверху.

Михаил развязал бечёвку.

В детстве ему запрещали трогать эти книги. Отец называл их заводским хламом и одновременно хранил лучше семейных фотографий. После смерти Арсения Михаил отнёс коробку в мастерскую, не раскрывая. На заводе таких табелей оставались тысячи. Их списывали связками, и женщины из расчётного отдела забирали чистые обороты на выкройки. Сохранение трёх тетрадей не казалось тайной. Оно казалось отцовской неспособностью выбросить бумагу, если на ней стояла цифра.

Теперь цифры расплывались от воды.

Михаил разложил полоски на промокательной бумаге. На каждой были фамилия, номер смены и два времени: у проходной и у цехового табельщика. В большинстве строк они совпадали. Иногда расходились на минуту, две, реже на пять. Возле расхождения стояла подпись мастера или слово «поверено».

На полоске с фамилией Савельева значилось: «выход 22.43 / 22.26». Между цифрами — те самые семнадцать минут.

Михаил поднял голову к часам.

Он нашёл вторую такую полоску. Потом третью. Фамилии были разные, дни — тоже. Разница всегда составляла семнадцать минут, и всякий раз более позднее время у проходной исправляли на более раннее цеховое. Рядом стоял знак Арсения.

Это не было ремонтом часов. Это было исправлением человека на бумаге.

Вера пришла через двадцать минут, в сапогах поверх чулок и в пальто, наброшенном на ночную рубашку. Михаил позвонил ей впервые после развода с её матерью среди ночи, и она не спросила по телефону, что случилось. Только сказала: «Не суши у печки».

Теперь она стояла в дверях, держала рулон чистой бумаги и смотрела на разложенные полоски.

— Оригиналы Рожкова целы? — спросила она.

— Целы.

— Тогда почему ты сказал, что всё течёт?

— Потому что всё течёт.

Она сняла пальто, подложила под мокрые тетради бумагу и переставила лампу дальше. Волосы у неё были собраны кое-как, лицо без дневной собранности казалось моложе. Михаил

вспомнил, как она в двенадцать лет просыпалась от боя напольных часов и приходила спрашивать, почему полночь наступает дважды: сначала у деда, потом по радио.

— Не листай мокрое, — сказала Вера.

— Я не листаю.

— Ты держишь страницу за угол.

Он отпустил страницу.

Вера прочла первую полоску, вторую, третью. На четвёртой задержалась.

— Почему они отдельно?

— Расхождения. Наверное, их прикалывали к табелю перед расчётом.

— «Наверное» я и сама умею.

— Тогда не спрашивай часовщика, как работала бухгалтерия пятьдесят шесть лет назад.

Она не ответила. Подвинула к себе тетрадь и стала снимать на отдельный лист порядок выпавших вкладышей. Писала номер страницы, фамилию, дату, цвет бумаги. Михаил хотел сказать, что до утра чернила высохнут и без описи, но принёс из кухни второй таз.

Под коробкой остался ещё один лист. Он прилип к доске лицевой стороной вниз. Михаил отделил его тонким шпателем. На обороте проступала фиолетовая сетка, а в нижнем углу — две буквы: «А. А.»

— Не переворачивай, — сказала Вера.

— Высохнет — прилипнет.

— Тогда вместе с доской.

Они подняли доску и положили поперёк двух табуретов. Вера сняла лист промокательной бумагой, и лицевая сторона открылась. Это была ведомость проверки цеховых часов за декабрь. Семь постов: проходная, литейный, инструментальный, сборочный, котельная, заводоуправление, столовая. Против каждого — отклонение от контрольного хронометра.

Внизу Арсений написал: «Ночную проверку производить после окончания второй смены, до снятия табелей».

— Вот откуда семнадцать минут, — сказала Вера.

— Отсюда только слова.

— И цифры.

— Цифры показывают разницу. Не причину.

Она посмотрела на него поверх листа.

— Вчера ты требовал, чтобы я не называла содержание листа без подписи. Сегодня требуешь не видеть содержание подписанных ведомостей.

— Я требую не придумывать между строк.

— А сам уже придумал?

Михаил взял полоску Савельева. В декабре тридцать седьмого Савельев донёс на пропавшую коробку Рожкова. В тот же месяц Арсений исправил ему время выхода. Если считать это услугой, она была оказана человеку, который мог погубить Лиду. Если считать подлогом — Савельев оказался его выгодополучателем.

— Отец говорил, часы цехов гуляли от нагрузки, — сказал Михаил. — Включали крупный станок — напряжение садилось, электрические часы отставали.

— Эти механические.

Вера показала графу с типом часов. Михаил прочёл обозначения. Четыре поста были механическими, два электрическими, у проходной стоял недельный регистратор. Разница в семнадцать минут повторялась у всех.

— Значит, не часы, — сказала она.

— Значит, ведомость.

— Ведомость правил Арсений.

— Проверку делал Арсений. Правил табельщик.

— По его отметке.

Он вернул полоску на бумагу.

В три часа дождь ослаб. Вода в тазу перестала прибывать. Они поднялись на чердак, натянули поверх протечки старую клеёнку и прижали края кирпичами. Вера держала фонарь, Михаил полз по балкам. Под рубероидом хлюпало. Дом не давал забыть, что любая архивная истина имеет вес, а крыша — цену за квадратный метр.

Когда они спустились, одна из тетрадей раскрылась сама: мокрый корешок распрямился. На странице за 14 декабря против фамилии Арсения стояло «явка 14.00», а поверх первоначальной записи — «13.43». Исправление было сделано теми же фиолетовыми чернилами, что и знак поверки.

— Он исправлял и себя, — сказал Михаил.

— Или начал с себя, чтобы остальные не выделялись.

— Или опоздал.

Вера придвинула лампу. Под строкой Арсения шла фамилия Гущина, затем ещё девять рабочих. У всех время было сдвинуто на семнадцать минут. Следующая бригада осталась без исправлений.

Между страницами лежал листок из школьной тетради. На нём химическим карандашом были записаны числа и короткие названия: «Нижняя», «кладб.», «мост», «стол.». Возле «кладб.» повторялись даты — вторник и пятница. Внизу стояла буква «Л».

Михаил узнал листок. Не сам этот, а рассказ отца о нём.

Арсений говорил, что после ареста Рожкова Лида ездила к матери. Говорил один раз, уже стариком, когда спутал живых и мёртвых в одной фразе. Михаил тогда поправил: мать Лиды умерла раньше. Отец разозлился и ответил, что мёртвых тоже навещают. На этом разговор закончился. В семейной памяти осталось удобное сокращение: Арсений менял время, чтобы Лида ходила к матери.

— Это её? — спросила Вера.

— Не знаю.

— Ты знаешь букву?

— Отец рассказывал про кладбище.

Она ждала.

— Лида ходила на могилу матери, — сказал Михаил. — По вторникам и пятницам. Так он говорил.

— После того как она уехала в Белозерье?

— Значит, не уехала сразу. Или возвращалась.

— Через завод?

— Кладбище за литейным. От Нижней улицы туда быстрее вдоль ограды, потом через мост. На проходной можно было срезать половину пути.

— Девушку, которую искали, пропускали через заводскую проходную?

— Если в таблице стояло, что в это время вышла вся бригада, у проходной была толпа. Не её пропускали. Её не замечали.

Вера написала на рабочем листе: «Версия М. А. Арсеньева». Потом поставила вопросительный знак.

— Ты обещала моими словами.

— Твои слова сейчас — версия.

— А твои?

— Тоже. Поэтому вопросительный знак.

Они нашли подтверждение не там, где ожидали. В последней тетради, среди расчётных листков, лежала квитанция кладбищенского сторожа за расчистку участка. Плательщиком была «Е. Г. Гущина», жена заведующего артелью. На обороте — перечень дат и фамилий без

пояснений. Даты совпадали с исправлениями в табеле. Первой стояла Рожкова, затем фамилия жены арестованного лекальщика, затем мать рабочего, которого сняли с должности после аварии. Не все были мертвы. Кладбище служило местом, где люди могли оставить записку под камнем, не приходя друг к другу домой.

— Это не доказывает, что Лида приходила, — сказала Вера.

— Доказывает, что кто-то платил за участок её матери.

— И собирал даты.

— Гуцин собирал.

— Или Арсений. Лист хранился у него.

Михаил перевернул квитанцию. Почерк списка отличался и от Гуцина, и от отца. Даты были аккуратные, фамилии теснились, будто записывавший экономил не бумагу, а время.

К четырём часам схема стала видна, но от этого не стала чище. Перед ночной проверкой Арсений отмечал единое отставание цеховых часов. Табельщик переносил его в ведомости выхода. Семнадцать минут появлялись там, где людям требовалось покинуть пост раньше или объяснить поздний проход через ворота. В общей массе смены отдельное отсутствие исчезало. Расчётный отдел видел исправленное время. Проходная сохраняла своё. Если сопоставить обе бумаги, подмена обнаруживалась; если хранить только табель, человек оставался на рабочем месте даже тогда, когда шёл к кладбищу, в больницу или на вокзал.

Арсений сохранил обе бумаги.

Но не все.

За январь в книге проходной не хватало трёх листов. Корешки остались под шнуром, края были срезаны ножом. В таблице за эти дни сохранились исправления.

— Он вынул доказательства, — сказала Вера.

— Или тот, кого они доказывали.

— Коробка была у него.

— После завода у него. До этого — в расчётном.

— И лист без подписи тоже у него.

Михаил услышал, как меняется её голос. Не обвинение — готовность связать предметы, которую она принимала за осторожность, потому что между ними лежала бумага.

— Если отец писал сообщение на Рожкова, — сказал он, — зачем ему потом прятать Лиду и подделывать табели?

— Один поступок не отменяет другой.

— Удобно.

— Ты сам вчера потребовал именно этого.

Он встал и подошёл к часам. Стрелки показывали пять без семнадцати. За окном только начинало сереть. Михаил открыл нижнюю дверцу, где раньше лежала папка, и увидел на внутренней стороне царапины. Семь коротких линий, затем промежутков, затем ещё четыре. Он считал их следами инструмента. Теперь они напоминали учёт.

— Может быть, лист был платой, — сказала Вера за его спиной.

— За что?

— За право исправлять время. За мастерскую. За то, чтобы Капитонов не смотрел на проходную.

— Это ты уже придумала.

— Да. И записывать не буду.

— Но на выставке положишь рядом.

— Если положить отдельно, получится хуже. В одной витрине лист не станет невиновным. Табели не станут оправданием. Зато посетитель увидит, что человек мог помогать одним и оставлять бумагу против другого.

— Или что мы не знаем, кто оставил бумагу.

— И это увидит.

Михаил закрыл дверцу. В стекле отразилась Вера у стола, окружённая мокрыми документами. До вечера оставалось тринадцать часов. Вчера он назначил срок, чтобы вернуть себе право решения. Ночь превратила решение в работу, которую нельзя было закончить одним «да» или «нет».

В половине шестого они нашли последний вкладыш. Он был спрятан не между страницами, а под тканью корешка. Клей размок, и узкая полоска вышла сама. На ней не было заводской сетки. Только две строки рукой Арсения:

«Л. прошла в 21.43. В табель внесено 22.00.

Утром запись проходной снять».

Ни фамилии, ни даты. Ни слова о матери, могиле или Рожкове.

Под строками стоял тот же знак проверки.

— Вот, — сказала Вера.

Михаил прочитал ещё раз.

— Что «вот»?

— Он знал, что она прошла. Сам распорядился убрать запись.

— И сохранил распоряжение.

— Спрятал.

— Сохранил там, где нашли.

— Через пятьдесят шесть лет.

Они замолчали. Лист был одновременно признанием и остатком уничтоженного доказательства. Арсений убрал имя Лиды из журнала, чтобы её не нашли по маршруту, и оставил у себя бумагу, по которой этот маршрут можно было восстановить. Возможно, для защиты. Возможно, чтобы помнить собственную власть над чужим исчезновением. Возможно, потому что часовщик не умел уничтожать последнюю отметку о выполненной работе.

Вера положила полоску рядом с листом без подписи. Не вплотную — между ними оставила ладонь пустого стола.

— Не соединяй, — сказал Михаил.

— Я сравниваю чернила.

— Сравнивай отдельно.

— Тогда я не увижу разницу.

Она подвинула настольную лампу. Основной текст неподписанного листа был коричневым, две бледные буквы на обороте — серыми. Запись о проходной сделана фиолетовым химическим карандашом. Совпадения не было.

Зато совпала бумага. У обеих полосок оказался одинаковый водяной знак, обрезанный по краю. Лист без подписи был шире, но вдоль левого поля шли проколы, словно его вырвали из той же ведомости.

— Черновик мог лежать среди табелей, — сказала Вера.

— Мог.

— И запись «не п...» на обороте могла быть не «не подписал».

Михаил посмотрел на вырванные волокна. «Не проводить». «Не прикладывать». «Не показывать». Или «не подписал» — самое удобное продолжение, потому что оно сразу означало отказ.

— Мы всё равно не знаем, кто написал текст, — сказал он.

— Теперь знаем, что отсутствие подписи не обязательно было нравственным решением.

— И не обязательно трусостью.

— Да.

Это короткое согласие оказалось тяжелее спора. Михаил ждал, что найденные табели оправдают отца: покажут скрытую систему помощи, объяснят семнадцать минут, превратят выгодополучателя в спасителя. Вместо этого они показали человека, который распоряжался чужими следами. Он давал людям время и забирал у них доказательства того, где они были. Для Лиды отсутствие записи могло означать свободу. Для другого рабочего — невозможность подтвердить, что в минуту аварии его не было у станка. Одна и та же подмена защищала, пока тот, кто её делал, выбирал правильно.

А право выбирать он нигде не получал.

Утром пришёл Гущин-младший, племянник бывшего заведующего артелью. Ему было за семьдесят, он ходил с палкой и приносил Михаилу часы на чистку раз в три года, хотя часы давно не требовали чистки. Михаил позвонил ему в шесть, и старик явился через сорок минут в застёгнутом на все пуговицы плаще.

— Евгения Григорьевна — ваша тётка? — спросила Вера.

— Жена дяди, — ответил он. — А вам зачем?

Она показала копию квитанции, не оригинал. Старик долго держал лист, затем снял очки и протёр их полкой рубахи.

— Могилу Рожковой она убирала, — сказал он. — Пока ноги носили.

— Лида приходила туда в тридцать седьмом?

— Я тогда под стол пешком ходил.

— Что вам рассказывали?

— После войны рассказывали одно, после пятьдесят шестого другое. Вы какое записывать будете?

Вера не улыбнулась.

— Оба.

— Тогда бумаги не хватит.

Он вернул копию и посмотрел на Михаила.

— Твой отец часы на заводе портил.

— Поверял, — сказал Михаил.

— Это он потом так называл. Дядя говорил: Арсений научился делать, чтобы рабочий ушёл, а смена осталась. Хорошее дело, пока из котельной человек к больной жене бежит. Плохое, когда начальник тем же способом премию рисует.

— Начальник пользовался исправлениями?

— Все пользовались. Потому и молчали.

— А Лида?

Старик постучал палкой по ножке стула.

— Лида к матери ходила.

— Её мать умерла, — сказала Вера.

— Вот именно. Живого сторожа у могилы поставили. Ему записки оставляли. Кому в Белозерье, кому на станцию, кому в барак. Мёртвая женщина меньше подозрений вызывала, чем живая почта.

— Вы это знаете или слышали?

— Слышал от тётки. А она могла хвастать. Запишите и это.

Вера записала.

— Арсений помогал?

— Время давал. Семнадцать минут. Почему столько — не знаю. Может, больше боялся.

— Чего?

— Что заметят круглую четверть.

— А лист против Рожкова вы видели?

Гущин-младший надел очки.

— Не видел. Но дядя Арсения после ареста Рожкова домой не пускал. Потом пустил. Значит, либо поверил ему, либо понадобился.

— Когда пустил?

— После истории со временем.

— Это не ответ, — сказал Михаил.

— Другого у меня нет.

Старик поднялся. У двери задержался возле напольных часов.

— Они всегда спешили?

— С тридцать седьмого.

— Значит, не всегда.

Он ушёл, отказавшись от чая. Вера перечитала запись вслух. Михаил исправил только одно слово: вместо «почта заключённых» написал «возможная передача записок». Она приняла поправку.

К девяти документы подсохли. Вера перенумеровала вкладыши карандашом на отдельных конвертах, не ставя цифр на оригиналах. Лист о проходной получил временное обозначение «А-6». Неподписанный лист остался «А-5». Между ними в описи появилась строка: «Возможная общность происхождения бумаги; содержательная связь не установлена».

— Для выставки слишком осторожно, — сказал Михаил.

— Для выставки честно.

Он прочитал ещё раз. Формулировка не спасала Арсения и не обвиняла. Она оставляла работу следующему документу, которого могло не существовать.

— Табели можно показать, — сказал Михаил.

Вера не потянулась за тетрадью.

— А лист?

— Рядом. С этой строкой.

— Это решение до шести?

— Это решение сейчас. До шести я могу узнать больше.

— Тогда я запишу время.

— Какое?

Они одновременно посмотрели на часы. Напольные показывали девять семнадцать, кухонные — девять ровно. Радио молчало: электричество отключили во время дождя.

Михаил вынес из ящика карманные часы, которые сверял на вокзале два дня назад. Они показывали девять часов четыре минуты и уже могли отстать.

— Пиши «утром», — сказал он.

— Для документа этого мало.

— Для правды тоже. Но другой у нас нет.

Вера написала: «Решение сообщено утром 22 апреля 1993 года при отсутствии надёжно установленного времени». Ниже оставила место для подписи.

Михаил подписал полностью.

Потом снял со стены заводские часы, положил рядом с мокрыми табелями и открыл корпус. Механизм был исправен. Стрелки показывали неверно не из-за поломки — кто-то когда-то переставил их на оси и затянул гайку.

Он мог вернуть их к правильному положению за минуту.

Вместо этого Михаил взял ярлык и написал: «Смещение стрелок — 17 минут. Не исправлять до установления происхождения». Привязал ярлык к заводному ключу и передал часы Вере.

Она приняла их обеими руками.

Напольные часы пробили четверть десятого. По их циферблату было половина десятого. Дом снова произнёс два времени, и впервые ни одно из них не пришлось выбирать главным.

Глава 7. Цена дома

Брагин пришёл в одиннадцать, когда кровельщики уже сняли над мастерской два листа железа и обнаружили под ними сгнившую обрешётку.

— Теперь цена другая, — сказал старший кровельщик Михаилу с крыши. — Доску менять.

— Насколько другая?

— Снизу скажу.

Так отвечали люди, когда число уже было известно, но его ещё хотели увеличить видом разрушения.

Сергей Леонидович остановился у калитки, поднял голову и одобрительно кивнул, словно ремонт подтверждал разумность его предложения. В руке он держал тот же плоский чемодан. На этот раз рядом с ним стоял худой мужчина в серой куртке и с фотоаппаратом.

— Эксперт, — представил его Брагин. — Виктор Николаевич. Только механизм посмотрит.

— Оригиналы не фотографировать, — сказала Вера.

Она сидела в мастерской со вчерашними табелями. Рядом лежали часы со смещёнными стрелками и ярлыком Михаила. За ночь Вера успела вернуться домой, переодеться и принести из музея коробки. Михаил не успел даже побриться.

— Мы к вам или к музею? — спросил Брагин.

— К владельцу, — сказал Михаил.

— Тогда владелец пусть решает.

Вера закрыла коробку.

Михаил впустил обоих. Виктор Николаевич не стал оглядывать дом. Подошёл к напольным часам, присел, посветил фонариком под циферблат и попросил открыть заднюю стенку.

— Корпус отдельно не продаётся, — сказал Михаил.

Брагин снял перчатки.

— Вчера речь шла о целом комплекте.

— Вчера речь шла о ваших деньгах.

— Сегодня тоже.

С крыши посыпалась труха. Вера накрыла коробку тканью.

Михаил открыл корпус. После ночной работы механизм продолжал идти; маятник отмерял комнату, где все ждали разного исхода одной минуты. Виктор Николаевич осмотрел платину, клеймо, крепление гонга. Потом указал на узел под циферблатом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.